

Против лома нет вампира

Автор:

Галина Гончарова

Против лома нет вампира

Галина Дмитриевна Гончарова

Другие Миры (АСТ)Юля Леоверенская #1

Если ваша подруга скажет: «Меня укусил вампир», – что вы скажете в ответ?
Лечиться надо?

А если у нее на шее укус? Если этот самый вампир требует отдать свою добычу?
И угрожает уже вашим родным и близким? Тогда как? Юля Леоверенская решает
драться до конца. Найти себе союзников против этого вампира. И сражаться за
свою жизнь. А сражаться действительно приходится.

А еще, кажется, Юля влюбилась... в вампира. И что прикажете делать?

Галина Гончарова

Против лома нет вампира

Инопланетная жизнь существует.

Доказано алкоголиками.

Вампиры существуют.

Доказано инквизиторами (с использованием истинно христианских методов).

Глава 1,

в которой моя подруга сходит с ума

Все началось в один ничем не примечательный день. Впрочем, в такие дни обычно и происходят судьбоносные события. Я тогда жила как и все девушки моего возраста. Нормальная студентка биофака, девятнадцати лет от роду. Много думала о парнях, меньше – об учебе. Студенты – они и на луне студенты. Пьянки, гулянки, диско и танцы. Плюс еще лекции, зачеты и экзамены. Но кто будет думать о таких мелочах раньше сессии? А до нее оставалось еще три с лишним месяца, и можно было расслабиться.

В тот день я совсем недавно вернулась с рынка. Мама с дедом отдыхали на Кипре, и я оставалась почти сама себе хозяйка. Деньги мне дедушка оставил, но по дому приходилось все делать самой. Покупать, готовить, стирать, гладить, убирать. Все это ужасно занудно. И хозяйничать я не очень люблю. С другой стороны, можно устроить пару вечеринок для приятелей. И никто не будет действовать мне на нервы. Но продукты надо было закупить заранее. Это я и сделала и сейчас чувствовала себя чемпионом среди тяжеловозов. Очень хорошо начинаешь понимать вьючных ослов после визита на оптовый рынок.

Телефон противно запищал, и я привычно сморщила нос. Терпеть не могу телефоны! Все мои подруги используют их для того, чтобы потрепаться, а меня это бесит, бесит, бесит! Лично я считаю, что разговаривать нужно лицом к лицу. И никак иначе. Моя теория такова: любой, даже самый пустой, разговор должен вестись глаза в глаза. Иначе ты можешь наговорить собеседнику такого, что потом год не расхлебаешь. К тому же видеотелефоны в нашем городе пока не появились и появятся только в следующем веке. Так что черт его разберет – кто сидит рядом с твоим собеседником по ту сторону провода. А ведь может сидеть. Может! Я и сама однажды сидела и слушала, какой ушат помоев вылила на мою голову одна из лучших подруг. И такая я, и сякая, и с Андрюшкой Томилиным в туалете целовалась... И гнусная это была неправда! Вовсе мы с ним не

целовались! Просто мы водку пили, а он меня резво так загородил от замдиректора по воспитательной работе. Нам все равно влетело, но все-таки меньше, чем за алкоголь. Представьте, каково это: стоять в обнимку и удерживать между телами бутылку и пластиковый стаканчик! Спасибо хоть, что завуч велела мне сперва умыться, а потом выйти из мужского туалета. И уже в коридоре намылила мне шею. Что ж, я не была на нее в претензии! Бутылку-то мы спрятали! И даже успели чесноком зажевать, чтобы эта мымра запаха не почувствовала. Простите, кажется, я сбилась с курса. Так вот, телефоны я не люблю, а если приходится отвечать на звонки, говорю очень коротко и стараюсь побыстрее назначить встречу или развязаться с разговором.

– Да?

– Алле! Юлька, ты?!

Я подняла брови. Что случилось?! Небо на землю грохнулось, а я и не заметила? Чтобы довести до такого состояния мою подругу, требуется по меньшей мере танковый наезд. Все остальное Катюку даже чихнуть не заставит. Что вы хотите – издержки нордического характера и уродского воспитания. Для кого-то ее спокойствие – это хорошие манеры, а для меня – конкретная заторможенность по фазе. Мы постоянно спорим и ссоримся по этому поводу, я называю Катюку горячей эстонской девушкой, а она меня – холодной русской истеричкой. Мы вообще часто ссоримся. Но как бы там ни было, обычно Катюка спокойнее слона, а сейчас в ее голосе явственно звучат истерические нотки. Апокалипсис приближается, точно.

– Я. Привет, Катя. Что случилось?

– Юлька, ты можешь через час приехать к вам на дачу?!

Могу, еще как могу. Дома меня никто и ничего не держит. Даже по поводу вечеринки я еще никому не звонила. Вдруг передумаю? Так что в принципе могу и до дачи прокатиться. Правда, что я там делать буду – в середине февраля? Картошку сажать? Не смешно! Ну да ладно! Домик проверю. Замок там на двери вовсе не от честных людей. Открывается в основном с помощью ломика и известной матери. Но у воров может быть и то и другое. С другой стороны – по гололеду да на моих любимых каблуках?! И вообще, по февральскому гололеду, по рытвинам и ухабам? Оно мне нужно? Я-то не вор, мне за это не платят!

Попробуем отвертеться!

– Катя, а обязательно на дачу? Моя квартира тебя не устроит? Все равно предки на Канарах отдыхают! Приходи сюда, дома у меня поболтаем?

– Юля, прошу тебя! Пожалуйста, Юлечка-а-а-а-а!

– Катя, кто тебя укусил и за какое место?! – агрессивно поинтересовалась я. Очень захотелось наговорить подруге гадостей. И побольше, побольше! Сейчас поскандалим – и ехать никуда не надо! Ага, размечталась! Я даже придумать ни одной не успела, не то что озвучить!

– Юля-я-а-а-а-а-а...

Слова перешли в конкретные всхлипывания, а потом и в тихий плач. Я вещим местом почувствовала, что дело – дрянь! И рявкнула так, что трубка завибрировала:

– Катька! Молчать!

Катя на том конце провода засопела в трубку. Но хоть не воеет – и на этом гран мерси. Попробуйте сами вести конструктивный диалог, когда оппонент, вместо того чтобы выслушать вас и ответить (подробно, спокойно и логично), способен только на три звука «О-о-о-о», «А-а-а-а» и «Ы-ы-ы-ы». Я не могу. Однозначно.

– Катька! Слушай меня внимательно! Одевайся и чеши на дачу. Я там скоро буду! Если опоздаю – подожди чуток. До встречи!

И грохнула трубкой о рычаг. Чует мое сердце – сейчас мне придется выслушать душе- и ушераздирающую историю одной любви. Или не любви? Ладно, придется слушать. Подруга я, наконец, или х... хвост собачий?

В данный момент больше всего мне хотелось быть хвостом. Но потом я сама себе не простила бы. Одеваться пришлось как на пожар. Но мне много времени и не надо. Любимые черные джинсы-клеш, голубой свитер, сапоги на высоких каблуках – при моих метр шестьдесят три это более чем актуально. Я и так на всю группу снизу вверх смотрю, уже растяжение мышц на шее себе нажила.

Сверху – коротенькая дубленка, теплый шарф и шапка. Последней в ансамбль вписалась сумочка – и я вылетела прочь, едва не вписавшись сама – лбом в дверной косяк. Но тут ничего не поделаешь. Моя неуклюжесть – это даже не повод для шуток. Это повод для опасений за собственную жизнь. Чем бы я ни занималась – танцами, карате или гимнастикой, – всюду преподаватели ставили мне коровью грацию и слоновье изящество. Куда там танцевать, я даже по комнате пройти не могу, четыре раза не споткнувшись. А все дети в группе смотрели на меня с насмешкой. Понятное дело, что это не прибавляло мне любви к спорту. Увы! Если я ехала на лыжах – то либо ломала их, либо заезжала в сугроб или налетала на дерево. Если каталась на коньках, то сперва весь каток стонал от смеха, а потом начинал потирать синяки и выразительно поглядывать в мою сторону, примериваясь отодрать пару штaketин и использовать их как дубинки. Я никого специально не сбиваю с ног, но стоит мне удобно устроиться и расслабиться в кресле – и три человека из четырех обязательно или споткнутся, или пройдутся по моим ногам. Проверено десятилетием в школе. Учитель физкультуры на уроках обычно сажал меня на скамеечку и слезно просил ни во что не вмешиваться. Ему здоровье дороже. И свобода тоже, он же за учеников отвечает. Я особо не протестовала. Сидела тихонько в уголке и учила какой-нибудь предмет. Благо мозги у меня работали куда лучше рук и ног. Одно утешение у меня все-таки было. Я не толстела. Конечно, не скелет из Бухенвальда, как все фотомодели, но сорок шестой размер на мне сидит как влитой. В самый раз для моего роста! И меня это очень устраивает. Я на последнем дыхании влетела в троллейбус, сунула контролерше под нос проездной и штопором ввинтилась в дальний угол, а там плюхнулась на сиденье и сунула в уши затычки. То есть наушники от MP3. Ехать мне через полгорода – можно и аудиокнигу послушать. Раньше-то я в транспорте читала, а теперь двигаюсь в ногу со временем и читают – мне. Осталось только придумать, как не засыпать под монотонный голос. А то могут и ограбить по дороге.

Дача у нас была в кооперативе «Русский лес». По-моему, название дурацкое, особенно если из всего леса одни посадки остались. Куцые такие, потравленные и порубленные. Но кому что нравится. И потом, у нашей дачи есть и свои плюсы. Расположена она в полчасе ходьбы от города. МОЕЙ ходьбы. Вот хожу я очень быстро. Почти бегу. Все меня одергивают и просят идти помедленнее, но мне так больше нравится. Во-первых, быстрая ходьба очень полезна для здоровья. Во-вторых, очень экономит мое драгоценное время. В сутках всего двадцать четыре часа, а успеть нужно повсюду. Вот если бы я шла, как ходят мои родные, я бы опоздала на встречу на полчаса. А так – пришла вовремя. Подумаешь там, красная и запыхавшаяся! Не на конкурс красоты иду – к себе на дачу! А кому не нравится, тех не приглашали.

Катка уже была на месте. И протаптывала дорожку вдоль дач. Судя по ее глубине и длине, либо подруга давно здесь сапоги протирает, либо нервничает до истерики. Да что ж такое могло с ней произойти?! Вроде бы руки-ноги на месте, голова в наличии! А что тогда? А, ладно, чего гадать? Сейчас я все узнаю. Даже то, чего вовсе не хочу. Я издали помахала ей рукой, на ходу выдирая ключи из сумки.

– Здорово, Катя!

– Привет, Юль, – отозвалась она, притопывая на месте как застоявшаяся лошадь. Мороз? Или нервы?

Я сунула ключ в замок, немного поругалась на него, и мы прошли внутрь. За забором все было нормально. Скамейки убраны, подвалы закрыты, деревья закутаны на зиму. Сугробы по колено, кстати говоря! Я старалась ставить ноги поаккуратнее, но Катка помчалась к домику как лось через любые снега. Ее призрак простуды явно не смущал. Что ж, хозяин – барин. Ее ноги – ее пневмония. Все равно не мне лечить! Домик отпереть было проще. Замок был обмотан тряпками и целлофаном, чтобы не замерз и не забился снегом, так что особых затруднений не возникло. Катка первой влетела в дом, я потопталась на крыльце, стряхивая снег с ботинок, а внутри уже можно почиститься полностью. Надо только притормозить подругу, которая собралась промчаться в домик прямо в сапогах и куртке.

Вот так. А нечего в дом грязь таскать!

И веником ее, веником... по одежде и по ногам. Заодно и душу отведу!

Наш дачный дом – это отдельная история. Строил его еще мой дедушка. Лет тридцать назад ему дали участок в кооперативе – и он решительно взялся за молоток и гвозди. Потому что собрался строить дом на века. Как он это делал – отдельная история, полная споров, ссор и семейных скандалов. Но в итоге он победил – и на участке вознесся дом, больше всего напоминающий фильмы ужасов. Высокий, из белого кирпича, купленного задешево прямо с кирпичного завода (я подозревала, что это благодаря дедушкиному другу, который как раз работал завскладом на том самом заводе), в два с половиной этажа плюс подвал

и чердак, с железной крышей и двумя трубами. Да, именно с двумя. Одна – от печи, вторая – от камина. Дедушка был уверен, что с нашими перебоями с электричеством мы на даче от голода и холода померем. А печке электричество не нужно. Только дрова, которые мы запасали в промышленных объемах. А до чего вкусная каша из печи! Те, кто готовит на газовой плите, даже не подозревают, чего лишаются. Да, хлопот много, но вкус... Пальчики оближешь и чугунок проглотишь! А как хорошо студеной весенней ночью спать на ней! Свернувшись в клубок, укрывшись сверху старенькой бабушкиной шубой и подтянув к себе игрушечного кролика Зюку...

От лирических мыслей меня отвлекла Катька.

– Юлька, мне надо с тобой серьезно поговорить.

Я бросила сумку на диван и внимательно посмотрела на подругу. Она разделась и теперь дрожала всем телом.

– Холодно? погоди минутку, я камин затоплю!

– Юля!

Я проигнорировала начинающуюся истерику.

– Кать, ты пока подумай, с чего начать, подыши, успокойся... Кстати, накинь пока шубку, а то дому время нужно, чтобы прогреться. Я мигом затоплю, и поговорим. Сейчас принесу дрова, а ты пока достань мне все для растопки. Во-он из того шкафчика, рядом с камином. Ну, у которого ручка в форме волчьей головы.

И я смоталась в сарай за дровами. Чужало мое сердце, что мы тут надолго. Как бы еще не на ночь. Если у Катьки истерика, то с мыслями о доме можно на сегодня проститься. Интересно, что могло ее довести до такого? На моей памяти она ревела только один раз – это когда наша историчка в пятом классе вклеила ей незаслуженную тройку в четверти. Мы тогда еще на разборы к директору ходили, я выступала в качестве группы поддержки, а Катька отвечала на спор всю программу третьего класса. Но сейчас-то что такое произошло, что понадобилось меня сюда тащить?! Катька теперь выросла и стала еще сдержаннее. Если бы я не видела ее сейчас собственными глазами, я бы сказала,

что до такого состояния ее довести невозможно. Вообще ничем. Даже ядерным взрывом. Но вот она, суровая реальность. Стоит, вся расстроенная, губы дрожат, пальцы трясутся, в глазах слезы, носом хлюпает. Чертовщина какая-то! С этими мыслями я нагребла побольше дров из подвала и вернулась обратно к подруге.

Катька вытащила из ящика газету, спички и бутылку с бензином. Я привычно сложила дрова домиком, подсунула под низ всякую деревянную мелочь и разожгла огонь. Катька в это время забилась в папино кресло и тряслась как осиновый лист. За окном сгущались сумерки. Я подумала, достала из шкафа еще и пару свечек – и зажгла их. Для интимности атмосферы. И потом, пламя свечей очень успокаивает. Я внимательно посмотрела на подругу. Ну что тут сказать? Смотреть на нее было грустно. Обычно Катька – живое воплощение мечты А. Гитлера. Сплошной тезис о превосходстве арийской расы. Высокая, на голову выше меня, блондинка с ярко-голубыми глазами и идеально правильными чертами лица. Добавьте к этому тощую фигуру – и вы получите топ-модель. Но этого еще мало! Ко всему остальному Бог, если он вообще есть, решил не пощадить в день ее рождения и наделил подругу отличным голосом, слухом, грацией и недюжинным умом. Катька, будучи еще в седьмом классе, щелкала дифференциальные уравнения как семечки. А ее фото висело на доске почета среди лучших учеников школы. Круглая отличница! Гордость класса, надежда семьи, достойный продолжатель рода! Наверное, из всего класса с ней могла дружить только я одна. Почему? Потому что напрочь лишена чувства зависти. Не досталось мне его. Как и красоты, ума, грации и изящества. Но я не унываю. Хотя по жизни я – Катькина противоположность. Попробую беспристрастно описать себя.

Сложная задача, но я справлюсь. Я невысокая, с волосами неопределенно-темного оттенка, лоб у меня слишком высокий, скулы слишком выступают, квадратный подбородок говорит о скрытом упрямстве, а длинный нос – о любопытстве. И это оправданно. Как мне его до сих пор не оторвали – не знаю. Чудом, наверное. Единственное красивое место в моем лице – глаза. Большие и яркие, с густыми длинными ресницами. Мама говорит, что они у меня медного цвета. Я соглашаюсь – мне приятно слышать комплименты. С фигурой мне, правда, повезло. Хоть Катька и говорит, что я могла бы быть и потоньше, на диету я ради ее гитлерюгендских стандартов не сяду! Еще чего не хватало! Дурью маяться! Скажите еще – становиться каждый день на весы и высчитывать калории! Бред сумасшедшего! Не-ет, чтобы похудеть, есть два идеальных средства. Больше двигаться и меньше кушать. А если и в результате этого не похудеешь, значит, природа запрограммировала тебя на этот оптимальный вес и не фиг над собой издеваться. Сброшенные килограммы вернуться с

прибавлением. Уж этого я на одноклассниках и одноклассниках насмотрелась с лихвой! Это о внешности. Потом идут мои умственные способности. Катя занималась математикой – и в итоге оказалась на физмате. Я же увлекалась гуманитарными науками и в итоге пошла на биофак. Это был лучший из всех вариантов. Дедушка мог бы купить мне место на экономическом или факультете иностранных языков, но тут во мне разыгрались амбиции. Хочу учиться там, куда сама поступлю! А поступила только на биологический. Не слишком престижно. Знаю. Но Катке я не завидовала. Пусть у нее даже медаль и красный диплом! Зато у меня душевное спокойствие и куча свободного времени.

Но сейчас бы Катке не позавидовал никто из видевших ее раньше. Волосы были растрепаны, глаза – заплаканы, нос распух от тех же слез, а одежда говорила сама за себя. Из-под длинного голубого свитера крупной вязки виднелась красная футболка. В ушах – какие-то нелепые серьги в виде розочек. Я и не думала, что у Кати такие есть. Да она бы при виде таких сережек днем раньше перекосилась бы и процедила что-то типа «Ну и вульгарщина!». А теперь вдруг надела? Конец света, не иначе! Катка всегда следила за своей одеждой, а что тут?! На сапоги я не обратила внимания, но брюки были в грязи чуть ли не по колено.

– Катя, что случилось? Ты успокоилась? Можешь внятно говорить?

Подруга подняла на меня трагические глаза.

– Юля, я боюсь, что ты мне не поверишь! Но я говорю чистую правду! Честное слово!

– Пока ты мне еще ничего не говоришь, – заметила я.

Катя вздрогнула и как-то ссутулилась. Несколько минут она молчала. Я не торопила ее. Сама разберется и все расскажет. Не стоит мешать ей. И подруга выдала такое, что у меня уши в трубочку завернулись!

– Юль, что ты знаешь о вампирах?

Ну что я могла сказать? Главное в разговорах с больным животным или человеком – разница, поверьте, невелика – это говорить спокойно и серьезно. Я пожала плечами.

– Мало. Мы их пока не проходили.

– А вы проходите вампиров? – Катя подняла голову, в глазах блеснуло недоверие.

– А что тут удивительного, – пожала я плечами. – Летучие мыши тоже охватываются биологией...

– Да какие там мыши!!! – внезапно рявкнула Катя, грохая кулаком по столу. Жалобно зазвенела ваза. Подсвечник вздрогнул, зашатался и упал бы, если бы я не перехватила его. Но одна свеча все-таки выпала и тут же погасла. Повезло. Я посмотрела на подругу.

– Кать, сбавь обороты! Хотелось бы услышать, в чем твои проблемы, – и услышать о них, сидя в относительно целом доме.

У подруги даже не хватило такта смутиться. Да что с ней такое?! Раньше она бы даже голос не повысила. Она вообще никогда при мне не орала! Честно говоря, я думала, что она орать не умеет. Из нас двоих всегда лезла в драку я, а Катя оттаскивала меня за шиворот от очередной жертвы. Хотя это получалось далеко не всегда. Но чтобы наоборот? Мир сошел с ума! Какая досада!

– Извини, Юль. Но мне и правда тошно.

– Бывает. Так что случилось?

– Юля... – Катя набрала в грудь воздуха. – Я просто не знаю, как это рассказать... Что ты знаешь о вампирах? Если не о мышах, а о людях? Которые в ужасниках, с клыками, крыльями и всем остальным?

О людях? Я задумчиво почесала кончик носа. Кто-то для скачивания информации чешет затылок, а мне больше помогает нос. Наверное, это потому, что он у меня как у Буратино – длинный и любопытный. О людях... Да много чего! Был у моего брата период увлечения ужасниками. Закончился он уже давно, но чего я только не насмотрелась за это время! Вампиры, оборотни, жуки, пауки, анаконды, инопланетяне и мутанты. Если кого-то забыла – прошу прощения. Как говорится, нужное – подчеркнуть, недостающее вписать самим. И точка. Я принялась

вываливать информацию.

– Вампиры. Так, ну первое, что приходит на ум, – «Дракула» Брэма Стокера. Пересказывать?

– Я читала, – отказалась Катя.

– Фильм мы вместе смотрели. Френсис Форд Коппола – все-таки крутой режиссер.

– Тоже согласна. И это все?

– Прости, мы сейчас ботанику проходим, – огрызнулась я. – Сказки в школе закончились. Я, конечно, читала и смотрела большую и темную кучу всякой пакости о кровососах, но если все это пересказывать – язык сотрешь до костей! Кто только по вампирам не проезжался! Шесть авторов из десяти фантастических книг. И у всех свое особое мнение. И о самих кровопийцах, и об их способностях, и об их месте жительства. Если так уже необходимо, я сейчас тебе кучу всякой чуши вывалю. Но тебе-то все это ЗАЧЕМ?

Вместо четкого и внятного ответа я получила предложение из восьми непечатных слов. В переводе это означало что-то вроде «не надо бы – не спрашивала бы»!

– Катя, ау-у-у-у-у!

Подруга потрянула головой, возвращаясь в реальность. А потом, не говоря ни слова, завернула горловину свитера так, что открылась шея. Я пожала плечами.

– И что?

– Смотри сюда! – Катька повернулась ко мне левым боком.

У меня глаза на лоб полезли. На тонкой коже, прямо на сонной артерии, отчетливо выделялись две красные точки.

– Что это?

– Укус вампира.

Не знаю, как вам, а мне хватило, чтобы секунд на восемь уйти в глубокую кому. Вампиры? В двадцать первом веке? Укус в шею? Клыки и кровь? Расскажите кому другому! Я фэнтези, конечно, люблю, но лапшу мне на уши вешать никому не позволю! Может, что-то когда-то и было, но сплыло! Сплыло – и точка! За минутой оцепенения пришла вторая фаза – проверки данных.

– Кать, повтори еще раз, а то я что-то в этой жизни не понимаю. Что у тебя на шее?

– Укус вампира.

От повторения легче не стало. Я бы съязвила, но Катька определенно была на грани. Два слова – и истерика без всяких перчаток. Поэтому я только кивнула головой.

– Хорошо. Укус вампира. А посмотреть поближе можно? Если при свете?

– Можно.

– Я осторожно. – А вдруг укусит в качестве доказательства? Раньше Катька не кусалась, но ведь все когда-то начинают? Вчера он был Мишка Кузнецов из соседней квартиры, а сегодня он на полном серьезе заявляет, что он – Наполеон Бонапарт и требует у правительства ядерную ракету, чтобы стереть с земли Эльбу, дескать, достала она его за время ссылки до печенок и глубже! Так вот, я подошла к подруге и повернула ее шею к огню. Ну что вам сказать? Я все-таки биолог, хотя и второкурсница. И кое-что знаю. Это определенно был укус. Два следа от клыков. Аккуратные такие. Ни разрезов, ни разрывов. Два прокола. Как сапожным шилом ткнули. Увы – это были клыки, а не шило. Правда, чьи это были клыки, я определить не могла. Станный какой-то укус. Интересно, чей он на самом деле? Вслух я этого, понятно, не спросила. Представляю, что сейчас ответила бы подруга на скромную просьбу стряхнуть лапшу с ушей и рассказать, как было на самом деле.

– Согласна. Это укус. И как все произошло?

Я старалась говорить медленно и спокойно. Как с больным животным. Там тоже не так важны слова, как голос. Интонация. Тепло, спокойствие, обещание защиты и помощи. Если вы освоили этот номер – вы уже на тридцать процентов психиатр. Потому что больной человек ничем не отличается от больной свиньи. Даже хуже бывает. Остальные семьдесят процентов (знания, умения, навыки) придут позднее.

– Это было ужасно, – медленно произнесла Катька. И опять замолчала. А мне ужасно хотелось потрясти ее как медведь грушу или как-то поторопить скачивание информации, но пришлось промолчать и слегка сжать ее руку. Никогда не торопиться – это второй принцип при работе с теми же животными. Кажется, мы сидели так уже целую вечность. Катька – в кресле, я – рядом с ней, на ковре, сжав ее руку. Потом Катя заговорила. Так медленно, словно каждое слово не рождалось во рту, а поднималось к губам откуда-то из желудка.

– Это было вчера вечером. Вчера была суббота. Ты знаешь, лучше всего гулять по субботам.

Я знала. Другой вопрос, что я терпеть не могла все эти дискотеки. Для танцев я была слишком неуклюжа, музыка меня раздражала, а постоянные запахи табака и алкоголя сводили с ума и доводили до бешенства. Не говоря уже о попытках всяких умников ко мне клеиться. И с чего они взяли, что такие уж остроумные? Поэтому меня приглашали на гулянку, только если она должна была пройти у кого-то на хате. Иногда – у меня. Но обычно я проводила вечера в компании с родными и очередной книжкой. А что говорит Катя? К ней-то это не относилось. Она была звездой всего курса. Одна из очень немногих девушек на физмате, к тому же не кикимора и не блатная дура. Это дорогого стоит. Катюшка пользовалась популярностью и получала от этого огромное удовольствие.

– Мы пошли в «Волчью схватку». Ты знаешь, где это?

Я кивнула. Да, знала. Чисто теоретически. Меня никогда не привлекал разноцветный неон. Хотя их вывеска мне нравилась. На фасаде здания были нарисованы два дерущихся волка – белый и черный. И кто бы их ни рисовал – он был мастером своего дела. Два волка сплелись в смертельной схватке. Когда я проходила или проезжала мимо, мне казалось, что я вижу, как ходят мышцы под разноцветными шкурами. Иногда я даже меняла маршрут, чтобы проехать мимо. Мне это обходилось часа в два потерянного времени, но уж очень хотелось. Почему – потерянного времени? Потому что находилась «Волчья схватка» на

самой окраине города. Там когда-то был особняк какого-то графа (да, у нас и графы водились!). Мужик желал жить за городом, подальше от суеты и суматохи. После революции графа извели как антисоциальный и антисоциалистический (какое я умное слово выучила!) элемент, домик приватизировали в пользу государства и разместили там какой-то комитет. Во время Великой Отечественной, когда к нам пришли фашисты, им этот домик тоже очень понравился. И они оборудовали в нем штаб. Там их и похоронили. Граната – вещь хорошая, особенно если она ручная. Рвануло так, что только осколки от стен остались. Потом, после войны, домик отремонтировали, порядком изуродовав. А после нисхождения на землю русскую благодати в виде демократии и гласности – точно не помню, какой это был год, потому что была тогда маленькая и глупая, но точно не девяносто первый, а позже, так вот, после этого особняк откупил какой-то крутой мэн и затеял там реставрацию. Устроил казино, бар, танцзал, стрип-клуб и еще что-то такое по списку. Закончилась эта перестройка года три назад, а волки на фасаде появились сравнительно недавно. Месяцев четыре-пять назад, от силы полгода.

– Ты ведь там никогда не была?

Я опять кивнула. Не была. И не хочу. Скорее всего, этот клуб ничем не отличается от остальных. Несколько столиков. Танцпол. Кабинка диджея. Может быть, пара закрытых кабинетов. Неинтересно. Вся разница между этими клубами только в оформлении и в продавцах наркотиков.

– Нам сказали, что это – лучший клуб. Разумеется, мы решили войти и насладиться.

– В смысле – пойти и оценить? – уточнила я.

Катя посмотрела на меня, словно я разбудила ее.

– Нет, именно войти и насладиться. Там над входом надпись. Внутри. «Войди и насладись».

– А чем именно – они не уточняют?

– Нет.

– Жалко. Интереснее было бы списком. Ну там, наслаждения налево, наслаждения направо...

– Прекрати свои тупые шуточки! – взвизгнула подруга.

– Как прикажешь.

– Да. Надпись выполнили в разных цветах, готическими буквами. Очень красиво.

Я передернула плечами. На мой вкус лучше было бы так: «Оставь невинность, всяк сюда входящий».

– Хорошо. Вы вошли. Сколько вас было?

– Восемь человек. Я, Наташа, Сережа Клюквин, Сережа Малин, Петя, Саша, Володя и Дима.

– Полный джентльменский набор, – съязвила я. В основном из-за Наташи. Мне она чертовски не нравилась. Наташа была из тех девиц, которые очень умны и гордятся своим умом, как красным знаменем бригады соцтруда. Она готова была каждого тыкать носом в свою золотую медаль и в свой физмат. Что она попыталась однажды проделать и со мной. Ей это удавалось ровно три минуты. На четвертую меня уже не хватило. Я посмотрела на нее умильным взглядом и ответила ей, что даже самой красивой и самой большой медалью прыщи не выведешь. С тех пор она терпеть меня не может. И это вполне взаимно. Тем более что она и правда – пугало в прыщах. Я всегда считала, что Катя ее держит для контраста. Как в том анекдоте. Что радует женщину? Ее красота? Да нет! Что вы! Уродство ее подруги! На фоне которой она сама смотрится секс-символом факультета. Кажется, Наташа тоже это понимала, но сделать ничего не могла. Увы. Что бы она ни надела, как бы ни нарядилась, ей не шло ничего. Абсолютно. Я считала, что лучший выход для нее – это паранджа. И лучше ее гвоздями к черепу прибить.

– Мы заранее заказали столик, посидели, немного выпили, немного потанцевали... Все было как обычно. Ничего особенного.

И почему меня это удивляет?

– По-настоящему все началось где-то после полуночи. Пришла еще одна компания. Знаешь, не из новых русских, но определенно очень богатые. Это было видно не по одежде, а скорее по тому, как они на всех смотрели. С этакой хозяйской брезгливостью. Барство... В их взглядах. Как князья на своих холопов. Или цари на крепостных... Всего их было пятеро. Трое мужчин и две женщины. И все такие... такие странные!

– Почему – странные? – не выдержала я.

– Из-за их манер, одежды, поведения, разговоров... Я не знаю, как это объяснить! Не знаю! НЕ ЗНАЮ!

– Хорошо-хорошо, – я погладила руку подруги. – Кать, посмотри на меня. Все в порядке. Это я, я с тобой, так что больше волноваться не о чем. Договорились? Ты просто Расскажи мне все, а я решу, что с этим делать дальше.

Катя всхлипнула. Удалось ли мне ее успокоить? Разве что совсем чуть-чуть. А сама я верю в то, что сказала? Ага, верю. А еще я верю в Господа Бога и Санта-Клауса. Я все больше беспокоилась сама. То, что могло так вывести из себя мою подругу, не может быть обычным происшествием.

– Катюша? Ты в норме?

– Да, к-кажется.

– Ну, раз кажется – перекрестись и попробуй объяснить мне, чем они еще тебя зацепили, кроме высокомерия? Этим по нашим временам никого не удивишь. Ты и сама иногда нос дерешь, да и я грешна.

Катя задумалась. Я наблюдала за ней. Все-таки у подруги математическое мышление. Стоит ей начать вычислять, сопоставлять и складывать – и за нее можно больше не беспокоиться. Мозги сразу придут в норму!

– Юля, я не знаю. У них пластика была другая, как будто они себя сдерживают. Вроде бы им хочется двигаться быстрее и сильнее, а они себя изо всех сил тормозят. И они были бледные.

– Я, например, тоже не успела загореть.

– Это не то. Юля, ты все-таки слегка покрылась загаром за лето. Да ты и смуглая в принципе. А эта компания была молочно-белая. Вообще все. И мужчины, и женщины. Как из девятнадцатого или там восемнадцатого века, когда загар благородных дам считался позором. Белые как бумага.

Я пожала плечами. Может, у них аллергия на прямые солнечные лучи? Кто-то мне рассказывал о такой болезни. Игрушки наследственности. Или они попросту альбиносы?

– Я пошла танцевать. Сперва одна, потом с Сашей. А потом меня пригласил один из этой пятерки. У него не было женщины, и он решил потанцевать со мной. Он мне понравился, и я пошла за ним на танцпол. Мы станцевали не меньше пяти танцев. Почему-то они все время ставили медленную музыку. На четвертом танце я позволила ему поцеловать себя. По-настоящему поцеловать. И ощутила что-то неправильное. Но тогда я не поняла, что именно. А после пятого танца он решил уйти – и я пошла с ним. То есть не так! Я пошла за ним как привязанная! Он мне ничего не говорил, ни о чем не просил, просто посмотрел – и я пошла!

Катя разревелась. Я сходила на кухню за водой. Пара бутылок минералки всегда стояли там. Так, на всякий пожарный случай. Я открыла одну из них, глотнула из горла и задумчиво потерла лоб. Верю ли я в то, о чем говорит Катя? Да, верю! Пока ничего такого не произошло! Рассказ вполне в пределах нормы. Ну, потанцевала. Ну, поцеловалась. Ну, решили уйти вместе и не согласовали это с остальной группой. Пока я не вижу ровным счетом ничего необычного. Даже то, что Катка утверждает про свое несогласие. Все зависит от содержания алкоголя в коктейлях. Вечером хотела, утром ужаснулась и решила, что вовсе даже такого не было. Стандарт-с. Я протянула подруге стакан с ледяной минералкой.

– Кать, а где были все остальные, пока вы танцевали и уходили? Та же Наташа? Почему они тебя не остановили?

– Не знаю, – в Катиных глазах плескалось детское изумление. – Мне даже в голову не пришло подумать о них.

Это очень похоже на Катю. Я всю жизнь считала ее жуткой эгоисткой. Вот почему моя дружба с ней была достаточно отстраненной. Мы могли куда-то сходить вместе, Катя могла прийти к нам домой, я могла прийти домой к ней, могла позвонить, а если мы встречались на улице, то могли очень мило поболтать. Я могла помочь ей, она мне, наши родители дружили, мы неплохо относились друг к другу и даже делились секретами. Но в ее компанию я старалась никогда не вливаться. Катька – довольно властная натура и рано или поздно начала бы гнуть меня под себя. Типа «Ну, подумай там, дискотеки тебе не нравятся! Сходи, чтобы мне было приятно!». Я этого не хотела. Рано или поздно мне пришлось бы жестко ставить Катю на место, а поскольку воля у нас обеих очень сильная, пришлось бы рвать отношения начисто. Это же я могла сказать и об остальных своих знакомых. Поэтому и друзей у меня почти не было. Только такие же необязательные отношения. Хочешь – дружишь, хочешь – плюнешь.

– Хорошо. Чуть позже обзвоним их и поинтересуемся их делами. Что было дальше?

– Мы пришли в одну из комнат над клубом. Дальше... дальше было все!

– Вы переспали? – уточнила я.

– ДА! – выкрикнула подруга.

И почему меня это не удивляет?

– Хорошо. Значит, ты переспала с ним. А когда появился этот след? Укус?

– Это он укусил меня.

– Подробнее, – приказала я.

Катя зажмурилась. Голос стал гораздо более низким и глубоким. Кажется, она переживала все это заново.

– Когда мы вошли в комнату, он приказал мне раздеться. Просто сказал – и я тут же начала снимать одежду. А он стоял и смотрел на меня. Я не помню, когда он

сам разделся, но в постели мы оказались уже обнаженными. Он сперва гладил меня, потом начал целовать, потом поцелуи стали перемежаться легкими укусами. Мне стало больно, но он только смеялся. А я не могла ничего сделать. Это, – рука ее коснулась укуса, – произошло в тот момент, когда он вошел в меня. Он был внутри меня и одновременно пил мою кровь. И самое ужасное, что мне это нравилось! Я могла бы провести так вечность! Мне хотелось, чтобы он делал это еще и еще! Я просила, а он только смеялся. И смотрел на меня своими голубыми глазами.

– Какими-какими? – перебила я.

Намечалось небольшое расхождение. Сколько помню вампирский фольклор – во всех фильмах у них глаза становились кроваво-красными. Как у озверелого испанского быка. Очень неаппетитно!

– Голубыми, – удивленно повторила Катька. Мой вопрос сбил ее с трагического настроения на чисто практический. – Знаешь, когда он пил мою кровь, глаза изменились. Я только сейчас это вспомнила. Они стали ярко-голубыми, без зрачка и без белков. Как два куска бирюзы на коже.

– Очень мило. А что было потом?

– А потом кто-то позвонил ему на сотовый. Этот... это существо... он взял трубку и что-то сказал, потом выругался и вышел из комнаты прямо так, без одежды.

Я зафыркала. Представила себе это зрелище. По коридору клуба чешет совершенно голый тип. Прелесть какая! Мечта нудиста!

– А ты осталась лежать в комнате?

– Не смешно, – надулась Катька. – Знаешь, я бы так и сидела там. Но мне не дали. В комнату вошел человек и протянул мне мою одежду. А потом сказал, чтобы я одевалась и шла домой, – и я послушалась. Шла почти всю ночь. Странно, что никто меня не убил!

– Шла? Не взяла такси?

Учитывая, где был расположен этот клуб и где жила Катка! Не слишком это на подругу похоже. Это я фанатка спортивной ходьбы. С одного конца города на другой, даже не запыхавшись. Но прогулочка от «Волчьей схватки» утомительна даже для меня. Я бы добежала часа за два, ну так это я! А подруга бы неделю тащи́лась! Удивительно, что она так быстро дошла! Я бы ждала ее к вечеру.

– Да! Шла пешком.

Я закусила губу. Шла домой. Четкое выполнение приказа. Ей сказали – идти домой, – она и пошла. А сказали бы бежать – бегом побежала бы? Полетела быстрее ветра? Да? Или нет? Черт его знает! Опустим за неясностью! Это как же надо, пардон, девчонку залюбить, чтобы у нее настолько мозги отказали?!

– Хорошо. Что ты сделала дома?

– Я сразу же легла спать. Даже не раздеваясь.

– А потом. Когда проснулась?

– Пошла в душ. Начала смывать все это... Ну, ты сама понимаешь! Следы остаются... кровь и...

– Я понимаю, – кивнула я. – Ты начала смывать следы – и все вспомнила?

– Да! Я оделась – и позвонила тебе! Юля, что мне теперь делать?! Я стану вампиром?! Что происходит?

Она бы еще спросила, сколько позвонков у жирафа! Что происходит? Да я-то откуда знаю! Я вам кто – Баффи-истребительница вампиров, что ли?! Или профессор Ван Хелсинг? Женская реинкарнация! Ага, счаз-з-з... Не смешно! И вообще, вся эта история – маразм чистой воды! Не верю я в вампиров. НЕ ВЕРЮ! И точка.

– Катя, ты посиди и помолчи чуток. И дай мне еще раз осмотреть укусы.

Катя послушно наклонила голову. Я уставилась на две алые дырочки. Может, и осенит мыслью... Осенило. Но такой, что хоть удавись. Давиться я не стала.

Может, Санек Македонский тоже такой был? Стоял, смотрел на гордиев узел, репу чесал, а потом и решил: «А дай-ка я по нему рубану чем потяжелее!» Рубанул – и пошел завоевывать планету. И правильно! А чего мелочиться-то?

– Кать, ты извини, постарайся не впасть в истерику и все такое, но можно мне попробовать... нет, не укусить тебя, но просто прикинуть, какие должны быть клыки? Какой размах? Они же для всякого животного разные! Не кусать! Просто дотронуться зубами?

– Можно, – кивнула подруга. И вздохнула. Печально так.

Я аккуратно повернула ее голову и попробовала прижаться клыками к ранкам. Получилось плохо. Просто потому, что у кусавшего расстояние между клыками, да и сами зубки были больше, чем у меня. И все же – что это может быть?! Высшие Силы! Ладно, у меня, как у Холмса, две гипотезы... Эй, минутку! Как это я раньше не заметила?

– Кать, а вчера на тебе крестик был?

– Крестик?

Катя недоуменно захлопала глазами.

– Ну да! Ты же почти никогда не снимаешь цепочку!

Что верно, то верно. Катины родители не были религиозными, но в Бога верили. Что Катя от них и переняла. Ее крестили, и она постоянно носила дорогой золотой крестик. Почти постоянно. Она не надевала его только на пляж. Я всегда смеялась над этой ее привычкой. Мои родные и близкие не были ни религиозными, ни верующими. Меня вообще воспитывали очень своеобразно, прививая желание в первую очередь думать, а во вторую уже следовать чужим мыслям и словам. Те же заповеди. Не укради, не солги, не убей... Они хороши, но всегда ли они хороши? Или это просто придумали люди, которые боялись взять на себя ответственность?! Ведь очень просто сказать: «Бог велел прощать и возлюблять». Очень. Гораздо сложнее принять сложное решение.

– Юлька! Я вспомнила!

– Что ты вспомнила? – Катя оторвала меня от моих мыслей, и я немного разозлилась.

– Точно! Вчера я надела свою бирюзовую кофту. Помнишь, ту, без плеч!

Кофту я помнила. Если ее можно было так назвать. Просто возьмите кусок ярко-голубой материи, оберните его полосой от талии и чуть повыше сосков, а потом подвесьте его на петлю, на шею – вот оно и будет. Конечно, крестик пришлось снять. С такими майками на шее ничего не носят. Хотя у нас сейчас все носят, но Катя – девушка с хорошим вкусом и точно знает, что обвесившись золотом, можно стать только вульгарнее. Это Наташа может на себя по три цепочки, два браслета и пять колец нацепить. А Катя – нет. Что пристойно быку, то вульгарно Юпитеру.

– А крестик оставила дома?

– Да. Надела я его только после душа! И тогда... точно! Вот тогда-то я все и вспомнила! Юлька, что со мной происходит?!

Хороший вопрос. Вот бы еще получить такой же хороший ответ!

– Кать, а ты сама «Графа Дракулу» не помнишь?

– Еще мне не хватало такую чушь помнить!

Ну разумеется! Это же не закон Ома!

– А стоило бы! Мне кажется, что ты попала под вампирский гипноз.

– Что?!

Что-что! А что я могу сказать?! Все просто! Если психически нездоровый человек убеждает тебя в том, что земля – квадратная, не стоит трясти у него перед носом фотоснимками из космоса. Он все равно не поверит, а вам может и достаться. Куда как проще предложить ему слетать и лично проверить. А вы потом поверите ему на слово. Так же и тут. Вампир? Да, конечно, хорошо! Хоть вампир, хоть оборотень, хоть Чебурашка в рыцарских доспехах! Я уже со всем

согласная. Только успокойся. И не дави мне на психику!

– То самое.

Слова вылетали легко и просто. Катька смотрела на меня квадратными глазами.

– Если это был вампир – он попросту загипнотизировал тебя. Пока на тебе не было крестика – ты оставалась под гипнозом. А потом, когда ты его надела, ты вспомнила все, что было, и решила прийти ко мне за помощью.

– Ты думаешь?

Я пожала плечами. Врать получилось легко и элегантно.

– А что еще я могу думать? Я почти ничего не знаю о вампирах. Просто у меня память хорошая на всякую антинаучную литературу.

– И что мы теперь будем делать?

Уже «мы»? Как это мило! Но не посылать же ее? Подруга все-таки! Хм, подруга. Хорошо, ради нашей дружбы я ее никуда не посылаю. И что? Пойду вместе с ней? Мученики за компанию? Они были подругами при жизни, они остались подругами после смерти. Вампиршами. Вампирессами? Кровососками? Эй, я что – все это думаю всерьез?!

И тут же ответила сама себе.

Совершенно всерьез! Но только за неимением другой информации. Что-то же думать надо. Хотя...

А как тебе такая версия, а, Юлия? Катьке просто подсыпали наркотик. Или как-то еще подсунули. Кажется, можно дать человеку наркотик даже при поцелуе. Надо было побольше почитать в интернете по этой теме, а я вот не удосужилась. Но от наркотиков еще и не такое натворить можешь. А укусы? А что укусы? Не зоофилия же? У кого какие вкусы в постели. Кто-то поминает маркиза де Сада, кто-то наоборот – мазохист и читает Ленку фон Захер-Мазоха. (Фамилия – шик, правда? Станешь с такой на людей бросаться...) И – чего уж там – мои

практические познания в этом тонком деле вообще нулевые, поэтому всех видов извращений я могу и не знать. Может, у нас новая мода у садистов пошла – клыки наращивать? Ох, опять я задумалась.

– Мы ничего делать не будем.

Катя посмотрела на меня глазами побитой собаки, и я выругалась про себя. Фыркай не фыркай, но она моя подруга. И я должна помочь ей. Хотя не уверена, что она помогла бы мне.

– Ты сейчас ляжешь спать, а я посижу, подумаю и решу, что мы будем делать дальше.

– Юлька, ты не понимаешь! А если он придет за мной? Ночью?

– Хм-м...

Если бы да кабы, да во рту росли бобы... Интересно, как этот загадочный ОН явится сюда? Как он вообще узнает, что Катька на даче, и найдет эту дачу? А что за нами не следили – это точно. Что я, простых вещей не вижу? Тут на три километра вокруг никаких следов, кроме моих и Катькиных. Но с истеричными девицами спорить – себе дороже.

– Хорошо, ты ляжешь прямо здесь. Я тоже. Эти кресла раскладываются, так что проблем у нас не будет. Сейчас поищу постельное белье. Хотя лучше, наверное, два одеяла и подушки. Все равно придется спать не раздеваясь. Дом большой, одной мне его не протопить как следует, так что если мы разденемся, то к утру замерзнем.

– Спать в одежде?! Представляю, что с нами будет к утру.

– Представляй. Можем отправиться домой пешком. Конечно, уже темно, но дорогу я знаю.

– Ты что! Если это... вампир... Я никогда не решусь выйти на улицу после заката!

Я не стала спорить с этим утверждением. Завтра позвоню Катькиным родителям и предложу отправить ее куда-нибудь на Гаити. Или Таити. Не важно. Пусть отдохнет где-нибудь подальше от родного городка. Радикальная психотерапия.

– Тогда посиди немного. Я сейчас принесу одеяла.

– Я с тобой!

Я поморщилась, но ничего не сказала. Катя боится. И моя ирония сейчас ничего не даст. Раньше надо было с этим начинать. А теперь это невозможно. Реальны ее страхи или нет – но она здесь, в моем доме. Она пришла просить помощи, и я постараюсь ей помочь. Хотя бы так. Если для ее душевного здоровья нужно таскаться за мной хвостом – пусть таскается!

Катя просто приклеилась ко мне, пока я доставала подушки с одеялами, приносила еще дров, готовила ужин и звонила бабушке. Мой дед – это нечто. Я им восхищаюсь. И не стесняюсь громко говорить об этом всему миру. Константин Савельевич Леоверенский – прошу любить и жаловать. Когда началась Великая Отечественная война, ему было только двенадцать лет. Совсем мальчишка. Но характер у него и тогда был тот еще. Бросишь в речку – и речка испарится...

Он отозвался после третьего звонка.

– Леоверенский слушает.

– Леоверенская слушается, – передразнила я его. Голос бабушки тут же потеплел.

– Юля? Что случилось?

– Да ничего особенного! – успокоила я деда. – Мне тут Катя позвонила, попросила разрешить ей переночевать на даче. Вот мы тут и секретничаем в тесной компании. Так что я сегодня ночевать не приду. Мы здесь переночуем, хорошо?

– Точно ничего серьезного? – Обмануть деда даже по телефону было задачей не для слабых духом. Но мне-то незачем его обманывать!

– Для меня – ничего. Это чисто Катины проблемы и секреты, – отозвалась я. – Просто предупреждаю и прошу домой не звонить.

Это было более чем актуально. Мама всегда старалась поговорить со мной перед сном. Она заботилась обо мне и волновалась. Как ни убеждай, что мне давно не три года, но для мамы я все равно ребенок. И надо предупредить ее об изменении планов. А то будет звонить домой и волноваться. Да и время тратится. А время на международные разговоры стоит дорого.

– Ну хорошо. Я тогда позвоню еще раз. Не отключай сотовый.

– Не буду. Пока, деда.

– Пока.

Я нажала отбой и отложила телефон на стол.

– Вот так. Теперь за меня не будут волноваться. Ну что – пока по бутербродам?!

Катя смотрела на меня со священным ужасом. Я еще не говорила, что она – вегетарианка? Тяжелый случай в медицинской практике! А еще она увлекается спортом и бальными танцами.

– Как ты можешь это есть?

Можно подумать, что я живу рыбу ела, а не шпроты из банки. Хорошо хоть хлеба догадалась купить на остановке, а то бы ела их просто так. А это не слишком приятно.

– Вот так и могу. И тебе очень советую. На твоей морковке кровь не восстановишь.

– Ну уж нет! Это же живые существа!

– Были. И вообще, Кать, если ты решила быть вегетарианкой, ты немного непоследовательна. Надо тогда сходить к стоматологу и попросить заменить тебе клыки на коренные зубы.

– Зачем это?

Катя чувствовала подвох, но биологом не была. И я сильно подозревала, что школьный курс уже выветрился у нее из головы.

– А вот затем! – с удовольствием разъяснила я, глотая кусок бутерброда. – Как ни крути, Катюша, но мы созданы хищниками. И зубы у нас такие для того, чтобы лучше рвать мясо и разгрызать кости. Что клыки, что резцы. Вот корова травкой питается, у нее и строение зубов совсем другое. Ее зубы предназначены не для разгрызания, а для перетирания травы. А мы – хищники. И это все у нас во рту зубами записано. Какой смысл отказываться от самой себя?

Катя все равно морщила нос. Наконец она взяла кусок хлеба, посыпала его солью и начала жевать с видом великомученицы Екатерины. Я, как истинно бесчувственный человек, в ответ на все ее гримасы только пожала плечами.

– Ну, как скажешь. Была бы честь предложена, а от убытка бог избавил. Мне же больше достанется. А ты жди картошку.

Картошку пришлось ждать довольно долго. За это время я успела утолить первый голод и позвонила Наташке. Та отозвалась после третьего звонка.

– Да?

– Алло, а Наташу можно?

– Можно. А кто меня спрашивает?

– Юлька. Леоверенская.

Я нарочно представилась по фамилии, зная, что для Наташи это еще один повод позлиться. Она-то по паспорту Репкина. Как ни крути, Леоверенская звучит гораздо изящнее.

– Привет, – голос ее заметно поскучнел.

– Я тоже рада тебя слышать. Наташ, а Катька вчера не с вами гуляла?

– С нами. А что?

– Да почти ничего. Просто у нее моя книга, и она мне срочно нужна, а я Катюху найти нигде не могу. Как в унитаэ смыло!

Катя сделала мне страшные глаза, но я только отмахнулась.

– И не найдешь, – хихикнула Наташка.

– Вы ее крокодилам скормили? Наташа, за что?! – ахнула я.

– Ты что, Леоверенская, совсем дура?

Я имела на этот счет свое мнение, но промолчала. Иначе мы сейчас перейдем на личности. В споре я выиграю вчистую, но и ничего полезного для себя не узнаю. Так что стиснем зубки и терпим.

– Катька вчера от нас с таки-им кадром отвалила! Блондинчик, упакованный, фигурка – как у Терминатора! Просто конфетка!

Пока Катькина информация подтверждалась.

– Ядовитая, видать, конфетка оказалась.

– Вряд ли. Я так думаю, что она с ним и на весь день останется! Катька – она такая! Как вцепится – не отдерешь!

Я фыркнула.

– Слушай, а вы не пытались ее просветить насчет профилисифилактики и безопасного секса? Или с ней всегда так: два часа знакомства – и в кровать?

– Нет, – в Наташкином голосе явно слышалась растерянность, – никто даже и не подумал.

– И даже ты? Наташа, вы ведь подруги! Как ты могла!

Это на нее хорошо подействовало.

– А что я могла! Я попыталась к ним подвалить в танце, но куда там! Прикинь, они да- же в быстрых ритмах друг от друга не отлеплялись.

– Что, и медляк, и ритмику обнявшись простояли?

– А то! Я хотела было утащить ее обратно на площадку, ну знаешь, чтобы он не думал, что Катька одна пришла или что-то плохое...

– Знаю. И что?

– А ничего! Этот тип как на меня своими глазищами зыркнул – я аж в сторону шарахнулась.

– Такие огненные очи?

– Да нет. Голубые, – теперь в голосе была завистливая такая мечтательность.

Я подыграла дурочке.

– Неужели правда такая симпатяшка? Кажется, я многое потеряла, не пойдя с вами вчера в клуб!

– Ага. И морда така-ая... – Судя по блаженным и завистливым ноткам в Наташкином голосе, кадр был еще тот. – Ну просто Леонардо Ди Каприо! Только он бы на тебя фиг клюнул!

– Я, конечно, не Катька, – вредным голосом отозвалась я, – но рядом со мной мужики комплекса неполноценности не наживают!

– Ага, они наживают комплекс сверхполноценности.

Ну, умные слова я тоже знаю. Вот недавно одно вычитала!

– Точно! Ты угадала! Они мгновенно становятся жуткими экзистенциалистами!

И как я только язык не сломала! Но Наташка этого слова точно не знала. Она заткнулась, и я воспользовалась моментом.

– Натали, а где вы хоть тусовались?

– Фу!

Ну да, мы таких словес не употребляем. Только на обед, с кислой капустой! Это такая ужасно (до тихого ужаса) оригинальная диета для похудения. В рацион входят: капуста соленая, квашеная, тушеная, свежая... И ничего кроме капусты! Через три дня чувствуешь себя кроликом. Наташка ее пользовала третий месяц, но без видимого успеха.

– А если без фу? Где паслись-то?

– В «Волчьей схватке».

Полученная ранее от подруги информация подтверждалась. Не могу сказать, что меня это обрадовало. Значит, дело еще хуже. И Катку где-то закоротило ночью.

– Спасибо за информацию.

– Пока?

– Пока.

Я отключила трубку и начала разглядывать потолок. Клуб был, блондин был, голубые глаза в наличии... Осталось выяснить – был это вампир или просто извращенец? Интересно, как я собираюсь это сделать? Бегать по клубу и упрашивать всех блондинов показать зубы? В рамках акции «Бледный мент предупреждает»? Меня тоже предупредят. Но уже в психушке. Это точно. Вот там и про вампиров, и про оборотней, и даже про разведение пекинесов с удовольствием выслушают. Интересно, а насчет быстрых танцев? Я попыталась

разговорить Катьку, но подруга повторяла, что ставили только медляки. Наташке я верила больше, в силу ее завистливости. Она-то уж ничего не пропустит, когда речь идет о кавалере подруги! Но почему Катьку так перемкнуло на музыке? Она настаивала на медленных танцах. И я не чувствовала вранья. Вот ведь вопрос! И что тут происходит?

Глава 2,

в которой с ума схожу уже я. На пару с вампирами и подругой

Чем выше поднималась луна, тем больше нервничала моя подруга. Сперва она глядела в окно, потом на меня – причем так, словно я была якорем спасения или отважным истребителем вампиров, а потом задавала какой-нибудь глупый вопрос. Есть ли жизнь на Марсе? Ага, если туда космонавты пока не добрались! Из чего гонят пальмовую водку? Судя по названию – из кактусов! Я терпеливо отвечала, и все начиналось сначала. Молчание. Взгляд. Вопрос. Ответ. Молчание...

Я не знала, что мне делать и что думать. Просто не обладала нужной информацией. На даче было несколько книг, но все советских времен. Ну и еще кое-какое старье, мои школьные тетради, учебники... Ничего о вампирах. А если ничего не знаешь, то ничего не можешь и сказать. Чего уж там прикидываться знатоком, даже «Дракулу» я читала так давно, что половину содержания напрочь забыла. Хотя сюжет и помню. Кстати, о сюжете... Припомнив кое-что, я принесла из погреба банку маринованного чеснока. На всякий случай. Интересно, вампиры правда его не любят или это просто псевдочушь? Дедушка говорит: «Заблуждение – это то, что все твердо знают». Тогда в целом у меня преимущество. Я ничего не знаю о вампирах, поэтому не могу заблуждаться. Хотя метод проб и ошибок мне тоже не нравится. Меня не так воспитывали.

Мое воспитание – это вообще отдельная история. И начать ее надо с моего деда. Я уже говорила, что в сорок первом году ему было двенадцать лет. Как все мальчишки, он хотел воевать с врагом, но ему не пришлось идти на войну. Война сама пришла к нему. И постучалась в дверь. Бомбами. Дедушки тогда не было дома. Он ушел на речку ловить раков. И уцелел – единственный из всей деревни. Долго прятался, а в конце осени попал к партизанам. Его хотели отправить в тыл

– он не согласился. Сказал, что все равно убежит. И ему поверили. Оставили в отряде. Двенадцатилетний мальчишка стал разведчиком. Одним из лучших. Выучил немецкий язык. Один из солдат учил его. До войны он был учителем немецкого в институте. И учил. А дедушка очень хотел учиться. В сорок втором он уже говорил по-немецки как по-русски. Словно в Берлине родился. Он хотел отомстить за родных. Сотни раз ходил у смерти под косою. Много раз был ранен, но опять лез в самое пекло. Однажды попал в плен. Его пытали. Дедушка умудрился бежать. Его хотели убить и привязали в проруби. Он перегрыз веревку, поплыл подо льдом, потом долго шел по лесу. Зимой, голый. Ему повезло. Он нашел своих. Долго болел, отморозил два пальца на левой ноге, но с тех пор начал закаляться. И до сих пор зимой моржует. Приезжает на дачу и ныряет в прорубь. Во дворе обтирается снегом. После войны, когда ему было двадцать лет, он женился. Бабушку я помню плохо. Она умерла от рака легких, когда мне было пять лет. Дедушка не очень горевал. Или горевал так, что я этого не замечала. Или у него не было времени на горе. Начиналась эпоха приватизации, и дедушка не растерялся. Он продал кое-какое бабушкино золото, купил автобус, получил права и начал развозить людей. Через полгода у него было уже пять автобусов. Сейчас их тридцать восемь плюс компания по перевозкам всего, что под руку попадет. Ему восемьдесят лет, но никто не дает ему больше пятидесяти пяти. Да он и сам не позволил бы. Отличные гены мне от него достались. Я очень похожа на него внешне. Даже не на отца, а именно на деда. У меня такие же глаза, как у него, и почти такое же лицо – только немного помягче: лицо дедушки в женском варианте. И характер в него. Или это воспитание сказывается? Не знаю. Но воспитывал меня в основном дедушка. Отца застрелили в девяносто втором году, и я его тоже плохо помню. Папа для меня больше фотография, чем живой человек. Убийцу так и не нашли. Мама решила второй раз не выходить замуж. У нее оставалось двое детей – я и мой старший брат. Леоверенские Юлия Евгеньевна, то есть я, и Станислав Евгеньевич, то есть он. Старше меня на девять лет, что не способствует взаимопониманию. Но о брате я сейчас почти ничего не знаю. Так вышло. Не слишком аппетитная подробность, но факт. Не знаю, когда моя мать и мой дед начали спать вместе. Меня это мало волновало. То есть совсем не волновало. Подумаешь! Они же ни с какого боку не родственники! А дед до сих пор может дать фору многим молодым. Если на то пошло, я бы сама в него влюбилась, если бы он не был моим дедушкой. Об их связи с мамой мы узнали совершенно случайно. У брата отменили лекции, а у меня уроки. Брат подумал и потащил меня на дачу, где мы и застали маму с дедушкой в интимной обстановке. Реакция у нас была разная. Брат сперва психовал, потом решил дождаться деда и получить объяснения. Дед вышел из спальни, застегнутый на все пуговицы. Так ему, наверное, было легче. Брат попытался устроить скандал, а потом

ударить дедушку, но дед быстро пресек истерику ударом в челюсть... Не знаю. Наверное, деду не стоило его бить. Брат психанул еще раз и вылетел из дома. Вечером, когда мы вернулись домой, я узнала, что он вылетел еще из института и из нашей жизни. Реквизировал все деньги и золото, что было дома, собрал вещи, забрал документы из института – и ушел. Куда? Зачем? Что с ним? Жив ли он? Я до сих пор не знаю. Наверное, дед знает, но мне никогда не говорил. Я не настаивала. Эта история – из тех, в которых лучше не копаться, чтобы потом не было мучительно больно. Кто был прав, кто виноват... И все – и никто. А потому я не стала судить, я просто приняла для себя эти два поступка. Даже кража нас сильно не затронула. Деньги у нас были, а золото... Я никогда не любила его. Предпочитаю серебро. И лучше – с камнями. Тогда, когда брат вылетел с дачи как ошпаренный, дед повернулся ко мне. Наверное, единственный раз он боялся, что я неправильно пойму их. Разговор я помнила до сих пор.

– Ты тоже считаешь, что я неправ? Юля?

– Вы оба с мамой неправы, – машинально поправила я. – Нет. Меня это не касается.

Мне удалось удивить деда. Он поднял брови и уставился мне в глаза. Я попыталась объяснить.

– Дедушка, я люблю тебя и люблю маму. Не знаю, почему так поступил Слава. Наверное, из-за отца. Он его очень любил. И очень часто его вспоминает. – (Еще бы, братик был на девять лет меня старше. Так что бабушку он тоже помнил. И вполне мог взбеситься. Я не могла, но я – это я. По себе людей не судят.) – Я тоже, но что до меня, я готова принять все таким, какое оно есть. Трава зеленая, небо голубое, вы живете вместе и не переживаете. Если вам хорошо, вы счастливы и не совершаете ничего противозаконного – что в этом такого?! Живите как хотите.

Дедушка внимательно посмотрел на меня, потом уселся рядом и обнял. Я не отодвинулась. И еще раз попыталась прояснить свою позицию.

– Я считаю, что вы заслужили свой кусочек счастья.

– А ты растешь мудрой девочкой, Юля.

Я росла не мудрой, а всего лишь безразличной, но деду я этого не сказала. Он жив, мама жива, он счастлив, она счастлива, так что еще требуется?! На мой взгляд – все остальное пустяк и мелочь жизни! А переживать из-за мелочей? Фу!

– Я знаю.

Этой же точки зрения я придерживаюсь и по сей день. Что поделаться, если двое одиноких людей совершенно добровольно решили жить вместе? Да ничего! Они не связаны кровными узами, они никому ничем не обязаны, их отношения никого не задевают. Любите друг друга и будьте счастливы! И точка! Но о брате я ничего не знала и никогда не говорила. Не могу сказать, что я его так уж любила. Слава был гораздо старше меня, и мне, как малявке и сопливке, частенько доставалось от него на орехи. Но все-таки он был моим братом. А я вот так...

Грустные размышления прервала подруга. Она уснула прямо в кресле. Будить ее? Или оставить прямо так? Черт его знает! Перетащить ее на другое кресло я не смогу. Она проснется – и всё опять по кругу. Молчание. Взгляд. Вопрос. Ответ... Оно мне нужно? Нет уж, пусть спит! Так мне спокойнее.

– Мы на даче у Юли, – вдруг негромко произнесла подруга.

Я подскочила и вгляделась в ее лицо. Она как будто спала, но глаза ее двигались под тонкой кожей век. Вправо-влево, влево-вправо... Что за бред сумасшедшего здесь происходит?!

– Проехать третьим троллейбусом до конечной остановки, выйти, идти на север. Мимо книжного магазина, мимо трех желтых домов, вдоль речки, перейти Чугунный мост и свернуть налево...

Я треснула себя по лбу. Как же я забыла?! Такая сцена была в фильме. Только там по-другому обыграли. А вот в книге все описывалось именно так. Я тряхнула подругу, потом похлопала по щекам, а потом начала трясти как грушу, но Катя не просыпалась. Я пощупала пульс. Ровный и даже чуть-чуть замедленный. Дотронулась до двух дырочек на шее – и вздрогнула. Они были горячими и пульсировали. Может, это была иллюзия, ведь они находились на сонной артерии, но я определенно чувствовала, что они теплее остальной кожи и пульсируют сильнее и не в такт крови. Катя замолчала – и я попыталась

разбудить ее. Брызгала водой, орала в ухо, хлопала по щекам, жгла перед носом перья, махала нашатырем – все впустую. Потом убедилась в бесполезности затеи, но вспомнила кое-что про вампиров – и рванула на второй этаж. Там должно быть то, что мне необходимо. Во-первых, лейкопластырь в аптечке. Во-вторых, крепкая веревка. И в-третьих, мое единственное оружие на данный момент, не считая банки с маринованным чесноком, – подаренная деду сабля. Если эту пакость можно назвать оружием. Длинная дура в вызывающе роскошных ножнах. Из тех, что держать дома противно, а выкинуть – друга обидеть. Но наточена она была на совесть. Дедушка, хотя и оставлял саблю на даче в надежде на воров, иногда ее вытаскивал и точил лезвие. Оружие должно быть в рабочем состоянии. Я вынула ее из ножен и осталась довольна. Тяжело, но держать можно. А рубить? Я надеялась, что на практике проверять не придется. Свои способности я знала. Если попробую кого-то треснуть этой дурой, тем более рубануть, дело кончится двумя смертями. Я зарежу сама себя, а мой враг помрет со смеху. Я связала Кате руки, укрыла подругу одеялом и примотала ее еще поверх одеяла веревкой к креслу. Рядом положила пластырь и ножницы. Кое-что я помнила. Вампиры не могут войти в дом, пока их не позовут или не пригласят. Но позвать или пригласить у нас может только Катя. Как этого избежать? Просто! Заклеить ей рот! А пока – внимательно наблюдать за ее состоянием. Или лучше заклеить ей рот сразу? Эй, а я вообще-то в своем уме? Я что – серьезно готовлюсь к нашествию вампиров? Но лучше быть готовой к самому худшему. Вампиры так вампиры. Если это не они – развяжу подругу и извинюсь. Я попробовала еще раз разбудить Катюшу, пошлепала по щекам, побрызгала водой и даже ненадолго зажала нос, но это опять не помогло. Полный ноль. И что мне теперь делать? Можно не верить в вампиров. Хорошо. Я не верю. Но если это они, то я окажусь в большой попе, чтобы не сказать хуже. Если же это не вампиры, то лучше обезопасить себя. Всю ночь я не просижу, а что придет в голову Кате – предсказать невозможно. Кстати, о приходе в голову! Я рванулась к дверям. Мой дом – моя крепость. Поэтому дверь у нас стоит такая, чтобы без тарана не высадили. Три замка, две цепочки. Я закрыла их все и по старой привычке бросила ключи в ящик комода. И тут же пожалела об этом. Мы же туда складываем на зиму всякое барахло! Лампочки, гвоздики, цепочки, игрушки... Всякий мусор, который стихийно накапливается в доме. Выкинуть жалко, а разобрать – руки не доходят. А, ладно! Утром буду их выкапывать! Все равно до утра я ни шага за порог не сделаю. Катька успела меня серьезно напугать, и я ждала самого худшего. Может быть, не вампиров, но каких-нибудь маньяков! Мало ли шизофреников на планете?! Мне и одного хватит! И пусть меня считают идиоткой и перестраховщицей! Я не в претензии! Не хотелось бы проснуться в компании бабушки и папы. Я не знаю, что нас ждет после смерти, и вовсе не жажду узнать это так скоро. Мне нравится жить и мне нравится моя

жизнь. Я не согласна с ней расстаться так рано. Мне и двадцати-то еще нет! Будет в мае!

Я подумала еще – и заклеила Кате рот. Сложила поудобнее свое оружие и сотовый телефон – так, на всякий случай. И уставилась на подругу. И, разумеется, задремала. Не выдержала. А вы попробуйте сами смотреть на что-нибудь одно. Поневоле уснете. Но почти тут же очнулась. От Катиного мычания. Она, по-прежнему с закрытыми глазами, вертелась на кресле и пыталась что-то сказать, Но не получалось. Пластырь не давал. Кажется, она хотела встать, но веревки не пускали. Хорошие такие, крепкие, раньше кресло разломаешь, чем веревки разорвешь! И меня это радовало. Тем более что Катька проделывала все это с закрытыми глазами. Ну, как лунатик! Ладно, мы с ней днем поговорим! Я устроилась поудобнее – и тут в дверь громко постучали.

Я подскочила в кресле. Но хоть удавись, а надо идти открывать. Если это милиция или кто-то из соседей, которые заметили свет и дым, лучше все разрулить сейчас, а не ждать наряда с ментами.

– Кто там? – громко спросила я.

– Андре!

Голос мне был определенно незнаком.

– И кто же вы такой, Андре? – попыталась выяснить я из-за двери.

– Откройте! – в голосе была сила и ярость. Ярость человека, который привык к повиновению. Мне было глубоко плевать на то, к чему он привык, но почему бы не выполнить его приказ... наполовину?

Надо только поднять щеколду и открыть для выяснения обстоятельств маленькое окошко, которое дедушка вырезал в двери, а потом затянул проволоочной сеткой, чтобы никто в него лапы не совал. Совсем не то что неудобный глазок. Через окошко можно осмотреть всю округу – только не надо прижиматься к нему лицом. Но этого я делать и не собиралась. Человека, стоящего в снегу, я никогда не встречала. И даже немного пожалела об этом. Он был очень красив. Его красота просто била в глаза. Если бы я рисовала бога солнца – я бы нарисовала его именно таким. Высоким, стройным, мускулистым, с

гривой блестящих золотистых волос, ниспадающих в беспорядке на широкие плечи, обтянутые черной кожаной курткой, с ярко-голубыми глазами, бледным лицом и ярко-алыми губами. Кроваво-алыми губами, из-под которых едва заметно виднелись белоснежные кончики клыков. Я подумала, что он может спрятать их полностью – но не хочет? Нарочно выставляет напоказ, чтобы дать понять, кто он такой? Эй, я что – верю в вампиров?! А закусывать такие новости я не пробовала? И вообще, на основании чего я так решила – кончиков клыков? С каких пор это для меня аргумент? Если есть силиконовые груди и контактные линзы, кто сказал, что не бывает псевдоклыков? Дракулу же как-то снимали? Интересно, этот тип купил зубки в магазине смешных ужасов или все-таки Катя угадала насчет дракуленышей? Кому как, а мне проще выучить теорию вероятности со всеми формулами, чем поверить в вампиров. Мои глаза скользнули ниже по его телу. Красив. И прекрасно это понимает. Ярко-голубая рубашка подчеркивает цвет глаз, брюки плотно обтягивают ноги и все остальное, не оставляя места воображению. Короткие сапоги не спасают от снега, но блондин, похоже, не замечал холода. Я опять перевела взгляд на его лицо. Он очаровательно улыбнулся.

– Юля? Так ведь вас зовут?

– А вам какое дело?

У него с самого начала не было шансов. Просто потому, что он мне понравился. Очень понравился. По-настоящему. И это заставило меня ощетиниться во все стороны, как дикобраза. Будь в нем хотя бы на грамм меньше самодовольства – я была бы мягче. Сейчас сработал «синдром Катрин». Дедушка прозвал так мое обращение с более красивыми людьми. Все детство рядом со мной была Катя, очаровательная в любую погоду, как нос картошкой мисс Фриды Бок. Я всегда оказывалась в ее тени. Сперва я страдала, потом старалась не обращать на это внимания, а после начала задираться со всеми, кто был так же красив, как она. Я не могла завидовать, но я могла огрызаться! Естественно, Андре, или как там его, вызвал у меня обострение комплексов – и, соответственно, я начала хамить ему прямо с порога.

– Мы будем говорить об этом, стоя по колена в снегу?

– Лично я нахожусь в доме, и меня это вполне устраивает, – справедливо заметила я.

– И вы не хотите пригласить меня?

Голос его стал невероятно мягким, бархатным, ласковым и зовущим. Таким голосом только приглашать на свидания. Я едва устояла. И решила сказать гадость.

– А мы стриптиз на дом не вызывали!

Сперва на его лице появилось удивление. Даже челюсть слегка отвисла. Не слишком эстетично. Зато я убедилась, что клыки настоящие. Или все-таки нет? Я слышала, что сейчас можно нарастить испорченные зубы. Можно ли нарастить клыки? Спросить, что ли?

– Да как ты смеешь, девчонка!

По коже у меня пробежали мурашки. Шипящий голос хлестнул по нервам. Приятный контраст после сахарного сиропа. Наверное, по его сценарию я должна была упасть на колени и молить о прощении, но в моем-то листке ничего такого не значилось. Режиссер попался не тот. Я из любой драмы комедию вылеплю! Вместо испуга я разозлилась еще сильнее.

– Представьте себе – смею. Особенно учитывая то, что я в доме. За прочной дверью... Они настоящие или это металлокерамика?

Кажется, мне удалось его ошарашить еще раз. Ну, бог любит троицу.

– Они?

– Клыки, – наивно пояснила я. И даже похлопала глазами. Получилось?

Человек опять очаровательно улыбнулся. Решил сменить манеру общения? Клыки показались во всей красе. Сантиметра под два с половиной. Ну и ну! Улыбка добавила еще пару сотен градусов к окружающей среде. Как под ним только снег не расплавился?

– Хотите потрогать?

– Ага. Ломиком. Или кирпичом. Вам что больше нравится? Мне для вас ничего не жалко!

Моей искренности мог бы позавидовать сам Станиславский.

Улыбка мгновенно исчезла. В голубых глазах блеснул гнев.

– Не дерзи мне, девчонка!

– Что хочу, то и ворочу! Это вообще-то мой дом и мой участок. Какого дьявола вам здесь надо?!

Я разозленно уставилась на него. Лицо в лицо, глаза в глаза. Наши взгляды встретились. И в следующий миг что-то произошло. Что-то странное. И очень страшное. Попробую описать это так, как почувствовала.словно громадный водопад пронесся по моему сознанию. Водопад ночи. Из голубых глаз хлынула тьма. Она обволакивала меня, успокаивала, обнимала мягкими теплыми руками. Все было так хорошо! Жизнь была прекрасна, все были счастливы и все любили меня. И все будет еще прекраснее, как только я открою дверь. Нужно только открыть ее и пригласить Господина войти внутрь. Совсем чуть-чуть. Разве это сложно? И я буду так счастлива, как никогда в жизни. Тьма переливалась синими всполохами – и это было так красиво! Чужая воля гнула и ломала меня как соломинку – и это было невыразимо приятное ощущение. Мои руки сами по себе откинули одну цепочку с двери, потом вторую. Теперь ключ. Где же он? Изнутри замок тоже запирается на ключ! И его надо найти! Как можно скорее! Сейчас же!

Руки лихорадочно шарили по комоду, сбивая на пол какие-то вещи. Ну да! Я положила ключи в ящик! Я дернула его, едва не вывалив себе на ногу вместе с содержимым, и судорожно запустила внутрь обе руки! Ай! Ладонь резко приложилась к подушечке для иголок. Та уже давно продырявилась, и теперь иглы торчали из нее во все стороны, как из ежа. Острия впились мне в ладонь, и я взвизгнула. Боль отрезвила меня. Куда-то исчезло страстное желание служить и подчиняться! А оно вообще было? Было. Что я делаю?! Ищу ключ? И собираюсь пригласить в дом этого... это... существо? Да я в своем уме?! Что за бред! Никаких компромиссов! Никаких приглашений! НИ-ЧЕ-ГО! Я медленно осела на пол. Ноги как-то плохо слушались. Наверное, испугались!

– Юля, – позвал голос за дверью.

Но теперь он уже не был ни добрым, ни ласковым. Только повелительным. И омерзительно самодовольным. Хозяин получал очередное доказательство своей силы и наслаждался этим. Получал удовольствие, растаптывая чужие души! Тьма в моем разуме рассеялась. Я схватила маленькие ножницы из набора – и что было сил ткнула себя в ногу. Куда-то в бедро. Стало ужасно больно, но мне полегчало. Лучше уж боль, чем эти синие всполохи. На глаза мне попалась связка ключей. Она лежала как раз под подушечкой с иголками. Я схватила ключи и что было сил швырнула их куда-то в коридор. Они тоненько звякнули и исчезли в темноте. Вот так! Фиг я теперь разыщу связку, ни на что не наткнувшись. И днем-то, я чую, все обматерить придется. А ночью, с единственной свечкой вместо лампы? Часа три провожусь.

– Поторопись, – приказал голос за дверью.

Только не смотреть ему в лицо! В глаза! Это же гипноз! Я читала о таком! Читала... Но не думала же, что попадусь сама! Я готова была расцеловать игольницу даже с риском исцарапаться. Но надо ответить. И достойно ответить! Чтобы знал, вражина!

– Пусть тебе северный олень дверь открывает! Проваливай, не то я возьму дробовик и сделаю из тебя симпатичное решето!

Молчание за дверью могло быть только заинтересованным, и никак иначе. Я ткнула ножницами в ранку от иголок, и по руке побежала кровь, грозя запачкать одежду и пол. Я слизнула ее, нарочно растравляя царапину языком. Больно. Но это лучше, чем попасть под вампирское – или чье оно там – очарование. Жизнь дороже.

– Ты свободна от моей воли?

Вообще-то я не материлась, но сейчас был тот самый случай. Я прислонилась спиной к двери и кратко, буквально в трех красочных фразах, объяснила, где я видела этого типа вместе с его волей, откуда он появился и кто были его предки. В ответ на мою прочувствованную речь из-за двери раздался тихий смех. Я почувствовала его как воду – всей кожей. Волоски у меня на руках встали дыбом.

– Ты непустишь меня?

– Пока я жива, ты сюда не войдешь!

Опять молчание. Мне казалось, что оно длится вечность. Слегка кружилась голова. Я сосредоточилась и попыталась подумать о чем-то еще. Например, о Шерлоке Холмсе. Или о Джероме К. Джероме и его приятелях в одной лодке. Мне вдруг стало смешно и спокойно. Я почувствовала себя терьером, который решился сражаться с кипящим чайником. Ну да, нос я уже обварила, но победа еще может остаться за мной! Надо только быть немного поумнее. И вовсе незачем хватать чайник зубами. Или смотреть вампиру в глаза, когда разговариваешь с ним. Хамить можно и не видя оппонента! Я совсем забыла о человеке за дверью, пока, совсем неожиданно, снова не услышала приказ.

– Открой мне дверь. Повинуйся!

Интересно, он опять что-то применил и я просто этого не заметила? Во всяком случае, у меня хватило сил на короткий смешок.

– Перебьешься!

И вновь несколько секунд молчания. Пока он не произнес совсем другое.

– Ты хочешь сказать, что можешь послушаться меня?

– Тебе процитировать закон о частной собственности?

Черт его знает, был ли такой закон, но я действительно могла делать все, что хочу. И не открывать дверь – тоже.

– На тебя ничего не действует? Ты неподвластна моему гипнозу?

– А должна быть? – Никогда не упускай случая получить информацию о враге! Но враг тоже оказался не промах. Информацией меня одаривать не собирались!

– Кажется, мы зашли в тупик.

– Можете повернуться и убраться своей дорогой. Я вас не держу.

Интересно, почему я опять перешла на «вы»? Из вежливости? Или просто не хотела злить его больше необходимого? Наверное, второе. Какая тут, к черту, вежливость?!

– Я уберусь, как только вы отдадите то, что принадлежит мне.

Ну вот, условия высказаны.

– Катя рассказывала правду? Вы – вампир?

Молчание. У меня даже затылок занял. Нервы, нервы...

– Да, нас так называют.

– Что, настоящий, живой вампир?

Из-за двери раздался тихий смех.

– Живой вампир? Интересное выражение!

– Я мыслю, следовательно, существую, – парировала я. – Не хотите называться живым, называйтесь мыслящим! Хотя это и сомнительно.

– Возможно. Это мы обсудим в следующий раз. Отдайте мне мою добычу – и можете убраться. Против вас я зла не держу.

– Неужели? И я должна вам поверить?

Яда в моем голосе хватило бы на парочку змей. Я серьезно разозлилась. Кем он меня считает?! Иудой? Понтием Пилатом? Я друзей не предаю, не выдаю и рук по этому поводу не умываю! Меня не так воспитывали!

– Это ваше право – не верить.

Ну да. Я имею право? Да. Так я могу? Нет. То-то и оно.

– Верно. А еще это моя подруга.

Я намеренно выделила голосом слово «моя». Пусть знает.

– Вы намерены со мной поспорить?

Вот те раз! А чем я все это время занималась? На луну любовалась? Я, по-моему, уже сказала все, что можно, и все, что нельзя! Ладно, попробуем еще раз. Может, даже дойдет? Или у вампиров на какой-то сотне лет жизни маразм развивается? Надо бы выяснить.

– Катя не пошла с вами добровольно. Вы не имеете на нее никаких прав!

– Она была счастлива. И получит вечную жизнь.

Ну да! Только на свет ей никогда не выйти! Как там у Копполы? О! Вечная жизнь в тени смерти. Сомнительное такое счастье. Я бы точно отказалась. Лучше уж шестьдесят лет, но со вкусом, чем пятьсот – как не пойми что. А почему – не пойми? Биолог я или уже кто? Передо мной же новый вид! Хомо вампирикус! А сколько было бы счастья, если бы данный белобрысый представитель вида лежал передо мной препарированным!

– Она вас об этом не просила!

– Она попросила бы, если бы поняла. Спросите у нее сами?

Он что – за дуру меня принимает?!

– Черта с два! Сейчас она и на костер вместо вас пойдет добровольно!

– Вы мне не верите?

– Не верю. И это еще мягко сказано. – Я вспомнила одну интересную деталь. – Минутку. А ведь вампиры не могут войти в дом без приглашения, так? То есть я

выну ей кляп, она позовет вас, и вы нас раскатаете на начинку для блинчиков! Ну-ну. Мечтайте дальше!

Из-за двери раздался тихий смех.

– Вы кое-что знаете о вампирах.

– Я много чего знаю, – отозвалась я. – My hobby is reading. И о вампирах я тоже читала. Так что – я правду сказала?

– Я не исключал и такого варианта. Хотя насчет начинки для блинчиков... это могло бы стать реальностью. Как вы догадались заклеить рот моей избраннице?

– А как у вас хватило наглости предлагать мне выдать ее? – Я решила, что с меня хватит перебранок с вампиром. – Я не приглашу вас сюда. Не сделаю ничего, что могло бы пойти вам на пользу! Вы мне решительно не нравитесь. Просто до нервного тика! И Катю я вам не отдам!

– А если я сейчас вызову сюда пару костоломов, которые снесут вашу дверцу и вытащат вас обеих ко мне? Учтите, я и правда это сделаю.

В голосе вампира прорезались первые гневные нотки, но мне не было страшно. Почему? Да потому что дура. И я отлично это знаю. Не научили меня бояться. Не научили! Дед мне всегда говорил, что страх не поможет. Помогает точный расчет. А смелость и вообще города берет! Я фыркнула. Потом стянула с шеи цепочку с сотовым телефоном и махнула ею в воздухе.

– Сименс, это вампир, вампир, это Сименс. Приятно познакомиться. – Я еще могла язвить. Жизнь продолжалась. Или это семейное? Дедушка рассказывал, что, попав в плен к фашистам, он язвил вовсю. Надеялся получить хотя бы моральное удовлетворение. – Через пять секунд после того, как кто-то попытается выломать эту дверь, я позвоню в полицию и подробно расскажу, кто я, где я и кто ко мне ломится. А сама попытаюсь подороже продать свою шкурку. Я вам не кто-либо где, а русская женщина у себя дома! А мой дом – моя крепость! Вы не смотрели фильм «Один дома»? Лично мне он очень нравится. Войдите ко мне – и я вас на запчасти постругаю!

Я врала, но очень надеялась, что мне поверят. Из-за двери раздался короткий смешок.

– Вы намерены бросить мне вызов?

Мне очень хотелось сказать, что я его безо всякого вызова бы подожгла, но неизвестно, какие это повлечет за собой последствия. Лучше было придерживаться язык, пока цела.

– Вызов? Вообще-то я хотела бросить в вас банку с маринованным чесноком, но могу и что-нибудь другое...

Я не слишком разозлилась. Скорее тянула время. Рассвет их застанет – и пеплом он станет. Самое то для этого мерзавца! Но из-за двери опять раздался смех.

– Невероятная наглость! Вы ничего не знаете, но готовы спорить со мной! СО МНОЙ!

– «Со мною, самым балдою», – передразнила я. – Александр Сергеевич Пушкин, что ж ты с нами не живешь! Пропиши ты нам частушки, чтобы пела молодежь! Это МОЯ подруга! И она вас не выбирала! Вы укусили ее и изнасиловали! И я готова спорить за ее право на выбор! Что-то мне подсказывает, что она не будет в восторге от клыков и посмертной или пожизненной анемии!

Опять смех. Блин! Как меня достал этот смешливый зубастик! Клещи и напильник мне! Вот так люди и становятся дантистами!

– Вы не знаете, во что ввязываетесь.

– Так объясните мне! Я и так отлично знаю, что вы сильнее меня. И что? Даже медведь сильнее меня, но у людей есть ружья! Я вовсе не собираюсь уступать из-за такой мелочи!

– Вы действительно хотите объяснений?

– Если вы меня при этом не покусаете.

Мои нервы уже были на пределе. Я сама бы сейчас кого-нибудь покусала, лишь бы успокоиться.

– Хорошо же. Сегодня ваша подруга останется с вами. А завтра я жду вас в «Волчьей схватке». В полночь. И лучше вам прийти вместе с подругой.

Теперь в голосе слышалась скрытая угроза. Но я не могла сдаться просто так.

– Вы ее не тронете?

– Довольно! Завтра в полночь я жду вас. Вам будет оставлен столик.

– Вы ее не тронете?

– Я не сделаю ей ничего дурного.

– У нас могут быть разные представления о плохом и хорошем!

– Вы начинаете злить меня!

Голос резанул меня словно ножом по внутренностям. Я дернулась от боли и едва не вскрикнула. Да что же это такое? Аппендицит, что ли?! Но я не сдамся!

– Вы меня уже давно разозлили!

– Да. – Слово скользнуло по мне, словно медуза – мокрое, холодное, склизкое и обжигающее кожу. – Но тогда я еще не злился на вас. Не вызывайте мое неудовольствие.

Я попробовала засмеяться. Не получилось. Пришлось имитировать кашель.

– И чем же мне грозит ваше неудовольствие? Учтите, каждый, кто меня укусит, рано или поздно помрет от несварения желудка! Я специально чеснока наемся!

Из-за двери раздался смех.

– Я не убью вас, Юля. Вы меня развлекаете. А это дорогого стоит. Но если вы не придете завтра, я буду наводить справки о вашей семье. У вас есть отец? Мать? Братья или сестры?

Я похолодела. Вот теперь мне стало страшно. Мама! Дедушка! И я попыталась уйти от этой темы.

– Я приду вооруженной!

– Вы придете с подружкой.

– У меня нет выбора?

– Нет, – подтвердил вампир.

– До встречи, – вздохнула я.

– До встречи.

В голосе слышались нотки угрозы. Но было там и что-то еще. Любопытство? Насмешка? Легкое презрение? Снисходительность? Похоже на то. Тем лучше. Недооценивайте меня, недооценивайте. Я не стану возражать. Кстати, а где можно приобрести фонарик дневного света? А еще осинового колья, святую воду и чесночную эссенцию?

Когда я вернулась в дом, Катя сидела в кресле с выпученными глазами и вертелась во все стороны. Но, заметив меня, успокоилась и вопросительно посмотрела мне в глаза. Я присела рядом на ковер. То есть опустилась. Ноги как-то плохо держали. Дрожали и норовили подломиться во всех суставах сразу.

– Кать, ты прости, но пока я тебя развязывать не буду. Лучше послушай. Высокий, светловолосый, голубоглазый, отличная фигура и наглая ухмылка. Он? Зовут – Андре. Кивни, если это он.

Катка бешено закивала.

– Полегче, голова отвалится. Так вот, познакомилась я с твоим Андре.

Катя протестующе замычала, и я поправилась:

– Извини. Не твоим. Но клыкастым. И очень наглым. Если бы я его впустила, здесь уже были бы две укушенные девушки. Не хочешь спросить, как он нас нашел? А я все равно расскажу. Ты спала, а во сне рассказала ему, где ты находишься. Я услышала твои слова. Потом попыталась разбудить тебя, но у меня ни черта не получилось. Протестуешь против бедного чертика? Извини, но факт остается фактом. Тебя было не разбудить. И я решила связать тебя. Я бы обошлась просто лейкопластырем, но ты сорвала бы его и пригласила этого типа внутрь. Извини, но мне не нравится, когда меня кусают. Мы сперва просто побеседовали у входной двери, а когда он понял, что внутрь я его не пущу, попытался загипнотизировать меня. Знаешь, не самое лучшее ощущение. И я едва не поддалась.

Меня всю передернуло при воспоминании о голубых глазах. Как-то невесело было думать, что еще немного – и я бы сдалась. Если бы не подушечка с иголками...

– В общем, мне удалось справиться, но на него я больше не смотрела. Мы поговорили через дверь, потом он пригрозил ее выломать и вытащить нас, конечно, не сам, а с помощью подручных средств в виде парочки отморозков. Я пообещала позвонить в полицию и на телевидение, в программу «Сверхъестественные явления», и вообще куда только смогу. Ну и рассказать о нем. И о его милой деятельности. Угроза подействовала, и он оставил мысль о подкреплении, но принялся за меня всерьез. Потом мы обменялись еще парочкой любезностей, и он пригласил нас в свой клуб. Если «Волчья схватка» – это его клуб. Завтра нас ждут там в полночь. Я думаю, что ты не будешь возражать против тихой милой вечеринки?

Судя по Катиному лицу – она очень даже возражала. Я попыталась объяснить.

– Кать, даже если я свяжу тебя, упрячу в бронированный сейф и приставлю к нему взвод командос для охраны – это не поможет. Вербки перережут, сейф вскроют, а командос еще и ковриком положат, чтобы этот тип не испачкал башмаков. И нам это не поможет. И даже если ты до завтра улетишь в Америку – тоже. Мы еще не представляем, с чем столкнулись, поэтому лучший вариант – разведка. А за отсутствием выбора – разведка боем. Мы же не знаем о них ничего! А если тебя и в Америке достанут? Мальчик выглядел очень решительно.

Катя смотрела на меня с ужасом. Я устало опустила глаза.

– Как бы я к нему ни относилась, это крайне серьезный тип. Если его недооценить, двумя живыми девушками на земле станет меньше. А мертвыми – больше. Ты хочешь стать вампиром?

Катя остервенело замотала головой.

– Вот и я не хочу. Но давай смотреть на себя критично. Ты да я – две девчонки-студентки. По английским меркам мы даже несовершеннолетние. Сколько у нас шансов сцепиться с существом, которое гораздо старше, опытнее и страшнее нас? Ну, то есть мы уже сцепились, но сколько у нас шансов победить? Может, я и не самый слабый человек в этом мире, может, я и смогла бы выиграть у многих, но мы живем не в сказке. Надо трезво оценивать свои силы. Мне удалось заинтересовать этого вампира. Почетная капитуляция на наших условиях даст нам время. И мы сможем набраться сил и знаний. Не нравится? Сочувствую. Но лучшего варианта все равно не будет. И еще... Знаешь, Катя, придется тебе так пролежать до рассвета.

Подруга забилась и замычала. Я резко вскинула голову.

– Протестуешь, не хочешь, ноги затекут?!

Катя ожесточенно закивала.

– А придется! Если ты думаешь, что я буду рисковать своей шкурой ради твоих удобств – ты жестоко ошибаешься! По-хорошему, мне не стоило влезать во все это! Надо было послать тебя на кудыкину гору собирать помидоры, – дедушкин любимый оборот выскочил без предупреждения, – как только ты позвонила... Предложить принять валерьянки – и пойти посмотреть телик! Ночью он опять навел бы тебя, трахнул и укусил, но какое это имеет значение?! Никакого! Меня бы это не коснулось! – окончательно сорвалась я с резьбы. – А теперь я ввязалась в какую-то чертовщину и попросту не знаю, куда мне лезть, чтобы это исправить! Свары с вампирами вряд ли могут хорошо кончиться. Особенно если я не хочу ни служить кормежкой, ни сверкать клыками. Всю жизнь мечтала, блин! А теперь ты просишь меня развязать тебя и подвергнуть нашу жизнь опасности?! Да-да, именно жизнь! – С каждой новой фразой я подзабиралась все

сильнее и сильнее. Все, что не досталось вампиру, выплеснулось на голову подруги. Страхи, сомнения, откровенная истерика – из песни слова не выкинешь, пальцы у меня ощутимо подрагивали. – До рассвета, солнце мое, ты просидишь упакованная, как ливерная колбаса. Потом я развяжу тебя и помогу размять руки и ноги. Кстати, уже два часа ночи. Так что еще часа четыре ты перетерпишь. Или я развязываю тебя, выкидываю за дверь – и вали на все четыре стороны! Это не я втянула тебя! Это ты попросила у меня помощи и защиты! Я дала их тебе, но при этом подставила свою семью. А моя семья для меня дороже сорока таких, как ты! Для меня теперь существуют только три вида отношений. Веди меня, следуй за мной или убирайся. Ты не можешь сделать первого и не хочешь третьего. Поэтому веду я! И будь любезна слушаться! Ясно?

Катя закивала головой. Я перевела дух.

– Ну, вот и отлично. Прости, но рот я тебе тоже оставляю заклеенным. Приглашения вполне достаточно, чтобы Андре вошел в наш дом, как в свой. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хочешь спросить – какими? А вот такими. Нам просто перервут глотки. Так что прости за неудобства. Мне вовсе не хочется разбираться накоротке с этим монстром.

Я попробовала свернуться клубком прямо на ковре.

– Кать, не буди меня, хорошо? Только когда рассветет.

Я медленно натянула на себя одеяло и так же медленно завернулась в него. Каждое движение было невероятно тяжелым, словно этот припадок злости вымотал меня до конца.

– Завтра утром мы не пойдем в институт. У нас своя большая культурная программа.

Мои глаза закрылись сами по себе. И под веками была чернильная мгла, пронизанная бледно-голубыми всполохами.

Глава 3,

в которой сходят с ума уже вампиры. От злости

– Уууууууу! уууууу! уууууууууууууууу!

Что это?! Паровоз?! Пароход? Я с трудом выплывала из сна. Я лежала на ковре, с головой завернувшись в одеяло. Камин давно потух, и последние угольки покрылись серым пеплом. Катя вертелась на кресле и мычала. Ее мычание я и приняла за паровоз. А почему она на кресле? И где мы? Что вообще происходит?.. События этой ночи медленно всплывали в голове. Я застонала и попыталась встать на ноги. Получилось. Я подошла к окну и отдернула шторы. За окном пробивался серый рассвет. Отлично. Я с трудом пробралась к креслу и отодрала пластырь. Катя взвыла.

– Юлька! Черт бы тебя побрал!

– Обязательно, – согласилась я. – К нему мы сегодня и идем.

Это мгновенно сбило с подруги все бешенство. В голубых глазах заплескался ужас.

– Юля, ты всерьез?

– Да.

– Юля, я не пойду!

Я молча продолжала распутывать узлы. Пальцы плохо слушались, но веревка поддавалась. Катя продолжала качать права. Да, раньше я думала, что она умнее.

– Юля, ты не можешь говорить этого всерьез! Я не смогу встретиться с ним! Это слишком ужасно!

Нашла время устраивать консилиум, эгоистка! Неужели она не видит, что я едва на ногах стою? Нет. Не видит. Сейчас она замечает только себя. Может быть, поэтому мы и не по-настоящему близкие подруги? Но я не стала развивать тему.

– Попробуй размять руки и ноги. Поговорим потом.

Я вышла в коридор и опустилась на четвереньки. Не упала. Не рухнула. Хотя и очень хотелось. А именно опустилась и принялась оглядывать пол по сторонам. Ну давай, девочка, держись! На четвереньках мне стало гораздо лучше. Может, так и остаться? И давай попробуем найти ключ. В конце концов все получится.

Все и получилось. Только не сразу. Катька продолжала завывать в комнате, как будто ее утвердили на роль пылесоса, а я оглядывала пол. Ключ нашелся там, где не ждали, – за вешалкой с дачными шмотками – всякими старыми джинсами и майками, в которых можно хоть по канализации лазить – хуже уже не будет. Я кое-как открыла дверь – и вышла наружу. Посмотрела на следы. Действительно, следы были. Но были они как-то странно. На дорожке шли наши следы. Рядом с домом я нашла следы мужских ботинок размера так сорок пять – сорок шесть – то есть Андре точно был. Но был только перед дверью. Словно по воздуху прилетел.

Я на всякий случай обследовала всю территорию участка. Но нет. Больше нигде по участку не было ни следов от мужских ботинок, ни веника, чтобы их заметить, ни следов от машины.

И как этот клыкозавр сюда добрался? Прилетел? Вариант с обычными маньяками у меня отпал. Летающих убийцев у нас пока не появилось. В смысле – летающих самостоятельно, без дополнительных приспособлений. Вертолет я пока не видела, дельтаплан тоже. Фиг бы я такое пропустила. Да и до них надо как-то добраться. А если нет следов на снегу, то что? Пра-авильно... Значитца, этот человек (вамфир?) действительно обладает сверхъестественными способностями. Левитация точно, а судя по тому, что со мной творилось этой ночью, – еще и гипноз в активе? Похоже на то. Я отлично помнила, как растеклась здесь соплями по коридору. Не хуже, чем фанатки на концерте какого-нибудь Децла. Гипноз на расстоянии, одним голосом, даже не глядя в глаза. Он ведь и потом пытался что-то применить, когда я тут Джерома вспоминала. Чудом не вышло. Но чудеса два раза не повторяются. Поэтому – абзац. Нет никаких гарантий, что при следующей личной встрече многонеуважаемый г-н Андре (а чего это у нас в средней полосе России французы завелись? Мало им при Наполеоне напинали?) не размажет меня по полу. В виртуальном смысле. Хотя может и в материальном. Если правда то, что я читала про Дракулу, вамфир может спокойно оторвать мне голову и повесить сушиться за уши на телевышке. Нас с подругой спасла только основательность

моего деда. Как строил он крепость, так и вышло. Стены в три кирпича, окна в две рамы, не считая чугунных кованых решеток, дверь... Про дверь я уже говорила. Трубы – и те зарешечены. Сразу бы и боевой слон к нам не вломился, а у нас было бы время вызвать сюда всех – от милиции до желтой прессы. Так что теперь господин Андре решил, что больше за рыбкой не пойдет. Пусть рыбка сама к нему чешет. Ох-ох-ох, что ж он маленьким не сдох?

И что теперь делать мне?

Самой его угробить, что ли?

Или попытаться договориться?

Вот только что я могу ему предложить? Конспект о размножении кольчатых червей? Метаболизм простейших? Подробное исследование физиологии вампиров?

Ага, серебряным скальпелем с осиновыми зажимами.

Разговор о вампирах мы возобновили только за завтраком. Я вывалила на тарелку еще одну банку шпрот и нарезала хлеб. Насыпала себе три ложки кофе и залила крутым кипятком. Сегодня я согласилась бы даже на сигарету. А вечером выпью немного водки. Совсем чуть-чуть. Чтобы управлять собой, но не так бояться. Я ведь и правда боюсь. Но страх надо преодолевать. И я справлюсь! Я всегда справляюсь!

– Что мы будем делать? – наконец спросила Катя.

Она так же жевала хлеб с чаем. Наверное, поняла, что раздражать меня сейчас не стоит. Я молча прожевала и хмуро поглядела на нее.

– То самое. Сперва – по библиотекам, потом по церквям, потом ко мне домой, потом к тебе домой, а потом – в клуб. Поможешь мне одеться получше? Хотя за этим не к тебе обращаться.

– Почему? – невольно удивилась подруга. Ну да. Из нас двоих я вечно одевалась как лахудра, а Катька выглядела картинкой из журнала мод. Мы забавно

смотрелись рядом. Я в растянутом свитере и старых джинсах и Катя в какой-нибудь мини-юбке и блузке.

– Потому что мне надо одеться так, чтобы ничто не стесняло движений. А ты мне навяжешь что-нибудь очаровательное, но жутко неудобное. Типа платья в обтяжку.

– Юлька!

– Катя.

Подруга умолкла, но ненадолго.

– Юль, а что будет в клубе?

Я на несколько секунд заколебалась, но потом ответила честно:

– Мы будем пытаться выжить. Хотя я не знаю, удастся нам это или нет.

Катя посмотрела мне в глаза. Не знаю уж, что она там увидела, но примолкла и отступила. И правильно. Я попытаюсь сделать все возможное. Но не надо – во имя всех святых и грешных! – не надо усложнять мне мою задачу!

И, бога ради, не надо меня считать этакой помесью ниндзя с терминатором. Хотите честно? Да я бы рванула сейчас из города быстрее таракана от тапки. Только кто ж мне это даст? И если даст...

Предположим!

Вариант намба ван[1 - Переименованное number one (англ.). – Здесь и далее прим. авт.].!

Я сейчас мчусь в кассу и беру билет куда подальше отсюда. Из этого «куда подальше» звоню матери и деду и рассказываю, что со мной случилось. И заодно – звоню в психушку. Почему? А потому.

Кто бы мне поверил про вампиров в двадцать первом веке?!

Сама Катке не верила, пока лично не встретила.

А может, он все-таки не вампир? Ну, там мутация, люди «Хэ», спайдермены и все такое?

А мне от этого легче?

Если Катка не врет, он был тогда в клубе не один, а с компанией в четыре человека. То есть коллеги и приятели у него всяко есть. А если они были такие же бледные, как и Андрусик, то не исключено, что страдают тем же самым. Seriously страдают. И могут помочь товарищу по несчастью.

В общем, я имею дело не с единичной мутацией, а с большой и жирной проблемой. И вампир он или нет – даже не так важно. От огнемета, в конце концов, еще никто не уходил.

А где бы мне разжиться огнеметом?

Не смешно.

Вариант намба ту[2 - Переименованное number two (англ.)].!

Я делаю то же самое, что и в первом варианте, но предки даже не запикивают меня подтянуть винтики, а верят на слово.

А ДАЛЬШЕ-ТО ЧТО?

Предки наймут мне охрану? Дед, конечно, может это сделать, вот только поможет ли?

Читала я как-то книгу о покушениях. И там один умный товарищ сказал, что по статистике – если кого хотят убить, то точно убьют. Хотя ты его со всех сторон терминаторами облепи. Почему так? Да по теории вероятности. Просто врагам надо в тебя попасть ОДИН раз, а тебе надо выжить КАЖДЫЙ раз. И кому тут проще допустить ошибку? Ой, явно не киллерам.

Вариант намба фри[3 - Переименованное number three (англ.)].

Вот уж действительно... намба...

Даже если дед и мать мне поверят... Если, если, если...

Мы можем переехать в другой город и другую страну. Денег хватит. Только вот мои родные на это не согласятся. Особенно мать. Здесь она родилась и выросла, здесь у нее могилы родных и близких, в этот город может вернуться мой братик (паразит ты пластилиновый!). Да и что нам там делать – в загранице? С ума сходить?

И еще одно соображение. Я ведь даже не представляю, с кем связалась. Я ничего не знаю о силе Андре. (Как-то оно не так звучит. Андрей, Андрюша, Дрюша, Дюша... О! Дюшка! Так его и буду именовать про себя, а то уже французить надоело.)

Я ничего не знаю. Один он – или у него своя организация (фирма, банда, мафия, дружина...), насколько он влиятелен (в переводе – есть ли у него мохнатая лапа), какими ресурсами располагает (может ли дотянуться до нас в другом городе)...

Я просто НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ. Поэтому не могу впутывать родных в эту проблему. Мать и дед – единственное, что у меня есть. Единственные мои близкие люди. Поэтому вопрос ставится так. Имею ли я право их подставлять за свою глупость (я ж не знала, что подруга мне такого хряка подложит)?

Ответ однозначный. Нет у меня такого права. Сама кашу заварила, сама и ядом приправлять буду.

И какие у меня есть варианты?

Первый – простой, как мычание. Мы никуда не едем. С наступлением ночи баррикадуемся на даче – и ждем у моря погоды. Вот только не поможет. Почему? Да потому что Дюшка не дурней меня. Я бы спокойно выкурила любого из этой дачки. Если бы имела время, желание и ресурсы. А у него, похоже, все это есть. Парочку дымовых шашек в трубу – сами вылезем. А то еще есть

усыпляющий газ. Или слабительный... Короче, если надо будет – он нас запросто вытащит. Это вчера он ничего не знал, а сегодня наверняка навел справки.

Можно, конечно, спрятаться где-нибудь еще. Но долго-то так не пробегаешь. Особенно если Катька будет ему все рассказывать в красках. Ночь, две, три... а потом за нами на танке приедут. Им же и переедут. Нет, бегать – это не выход. И вообще, не показывай врагу спину – там ни когтей, ни зубов, ни даже хвоста не выросло. Такое вот уязвимое место. И отбиваться нечем. Кстати, а чем там можно отбиться от вампира? Ну, это я узнаю в библиотеке.

И второй вариант. Ввязаться в драку. Попробовать договориться, а потом уж драться. Сразу нас точно не убьют. Может, и навешаем лапшу? А если нет...

Спаси меня высшая сила, если она есть, от смерти длительной и мучительной. А моих родных – от расплаты по моим счетам.

Я дожевала последнюю шпротину, вытерла куском хлеба масло из банки – пусть неэстетично, зато вкусно. А эстетов – Дюшке на раздачу, чтоб ему тоже икалось и чесалось. Катька посмотрела на меня взглядом утопающего. Я на нее – взглядом доброго инквизитора.

– Ты готова?

– Юль, а может... – начала подруга, но я ее перебила:

– Катя, выбора у нас нет. У меня точно. Поэтому я сегодня иду в клуб. А ты можешь решить сама, хочешь ты умереть сразу или сперва помучаешься.

– А разве нас при любом раскладе не грохнут? – жалобно спросила Катька.

– Пятьдесят на пятьдесят, – пожала я плечами. – Может, твоему клыкастику экзотики не хватает.

– И его на нас потянуло?

Это уже звучало бодрее. Тем лучше. Неохота идти на дело с депрессивным партнером. Водки ей, что ли, купить? Литра три, меньше не поможет. Надо бы

сказать подруге что-то доброе, хорошее, жизнеутверждающее... Надо бы. Только вот язык не поворачивается. И достаточно удачную ложь я не придумаю. А врать неудачно – фи. Да и подруга тоже не дура. Отлично может сложить два и три. Ох, Катька-Катька, куда ж мы вляпались...

– Остается надеяться на лучшее, – сухо сказала я и пошла в коридор. Одеваться, обуваться, закрывать и замораживать дом... Дел было много.

Катька какое-то время сидела на кухне, а потом что-то решила для себя и тоже вышла ко мне.

– Юля, ты хоть в осях знаешь, что будешь делать?

– Нет, – честно ответила я. – Но наше преимущество в том, что Дюшка этого тоже не знает. И если мы сами, первые, не придем сегодня – потеряем инициативу, а это наказуемо.

Подруга глубоко и печально вздохнула и тоже начала собираться.

* * *

В библиотеке мы оказались только около десяти часов утра. И провели все время до четырнадцати часов, сидя в углу и листая различные книги о вампирах. С каждым часом я мрачнела все больше и больше. Если свести все воедино, получалось очень грустно. Кажется, мы попали. По самое дальше некуда и во что-то ну очень неаппетитное. В итоге список выглядел так:

Вампиры в плане борьбы:

Их недостатки:

– Считаются несуществующими (лучше б они и дальше считались, я бы точно не возражала).

– Питаются кровью людей, причем жертва может как превратиться в вампира, так и не превратиться. Происходит это после ее смерти. Согласие самой жертвы

не требуется (судя по Катькиному рассказу, им не то что согласие, им даже приглашение не требуется. Увы мне, увы...).

– Не отбрасывают тени (жаль, я ночью не обратила внимания).

– Не отражаются в зеркале.

– Очень сильны и быстры (судя по тому, как двигался Дюшка, очень даже может быть. Хотя и не так важно. Сами представьте: с одной стороны девятнадцатилетняя студентка, которая даже пинка никому дать не сможет – промахнется, а с другой – здоровый молодой мужик, даже не обязательно вампир. Все равно счета будут не в мою пользу).

– Очень живучи, даже слишком, попробуй убей. (Очень, ОЧЕНЬ жаль.)

– Способны управлять погодой (???).

– Способны перекидываться в животных (?????).

– Отлично видят в темноте (Точно. Хоть луна и светила, но Дюшка явно видел все, что происходит).

– Владеют левитацией (Наверное... Другого вывода у меня нет).

– Способны карабкаться по стенке, как спайдермен (????????).

– Владеют гипнозом (О горе нам, о горе...).

– При необходимости могут расплыться туманом, пролезть куда не пускали и собраться опять (непонятно только, чего ж Дюшка не пролез? Не приглашали? Кто знает...).

– Что еще???

Их достоинства:

– Должны спать днем и в гробах. (Только где те гробы? На кладбище, что ли, съездить, спросить, у вас тут вампиры не окопались? А что, хорошая идея, вряд ли Дюшка полезет за нами в психушку, в одну комнату к Наполеону, Ельцину и Ленину.)

– Не могут жить без крови. (Похоже на то. А иначе – на кой бы им кусаться? Просто потому что зубы есть?)

– Не любят чеснок (???).

– Не любят распятие, святую воду и осиновый кол (?????).

– Их можно убить серебром, как всю остальную нечисть (???????).

– Что еще???????????

На мой взгляд, этого было слишком мало для успешной партизанской борьбы! Перспективы были такие, что проще сразу удавиться. Я собираюсь потягаться с неизвестным науке и партии существом, которое всяко быстрее, сильнее и круче меня? Одна надежда – что он (оно?) глупее. Но и та – хлипкая. С другой стороны – одно рисовое зерно склоняет чашу весов. Один человек может стать залогом победы или поражения. Узнаете? Ага, Му Лань. Хотя ей было проще. Подумаешь там, мужиком немного попритворяться. Это б и с меня не отвалилось, все равно я из джинсов вылезаю только на большие праздники, чтобы тут же влезть в парадные джинсы со стразами. А я... Ни команды, ни оружия, ни просто засадного отряда, который, если что, прикроет спину или зверски отомстит... Просто – ничего. В активе – одна Катька, а та трусиха почище меня. Андре ее так запугал, по морде видно, что у нее от одного его имени чуть медвежья болезнь не случается.

Но выбора-то особо не было. Либо так, либо сложи лапки и не фыркай. Это мой случай? Это не мой случай! Я не какой-нибудь христианин, который на кресте молится за своих мучителей! Я буду бороться до конца! И даже при смерти перегрызу кому-нибудь глотку! Меня не учили сдаваться! Меня учили жить и драться за свое до конца, отступить и даже затаиться, но никогда не складывать оружия! Хотя что толку говорить о моих принципах? Так или иначе, я уже ввязалась в эту игру и пойду до конца. А для начала – заглянем в церковь, в хозяйственный магазин, в аптеку и в косметику.

В восемь вечера мы начали собираться. И к девяти выглядели так:

Я – черные джинсы, свободный темно-лиловый свитер, ботинки на самых низких каблуках, которые только нашлись. Всего-то пять сантиметров. Бегать можно. Из украшений – браслеты с крестами на обоих запястьях, крест на шее и крест на щиколотке. Джинсы у меня клеш, так что вытащить его я смогу. В ботинке под стелькой спрятана бритва. Не знаю, пригодится ли она, но лучше что-то, чем вообще ничего. В шов джинсов я зашила проволоку. Тонкую, но достаточно прочную и гибкую. Кто знает, что получится из нашего похода. Добавила серебряных колец на руки и на пальцы ног. Может, хоть ногой кому по фейсу съезжу? В одном кармане флакон для духов, только со святой водой. Я отлила половину духов в другой флакон, а в этот налила святой воды и тщательно опрыскала и себя и подругу. Особенно шею. Потом опять долила святой водой доверху и сунула в карман. Катку я в это даже не посвящала. Просто сказала, чтобы она выбрала в косметическом салоне самый противный запах. Эх, жаль у нас здесь скупсы не водятся. В другой карман я положила спрей от астмы. Небольшой такой флакончик, с ладошку. А в него налила симпатичное такое вещество, продающееся в хозяйственных магазинах для борьбы с вредителями. Название не указываю в мирных целях. Но если этой растворенной дрянью в глаза брызнуть, потом никакой окулист не откачает. А в рот – ожог слизистой и отравление будут обеспечены. И вот только не надо мне тут ужасаться. Почему у нас это так спокойно продают, если этим средством можно убить человека?! Да потому что! У вас вообще неправильный подход к проблемам! Если хочешь снизить преступность – сделай так, чтобы все знали – за преступление последует наказание. А то спер сникерс с лотка – вор, сиди в тюрьме. Разворовал страну – молодец, иди в политики. Сталина на них нет, как говорит дед, глядя иногда в телевизор. Кстати, как целый день боевики со стрельбой показывать – так это ничего, а потом ужасаться – ах, какая у нас молодежь агрессивная пошла! Так воспитывать надо, ёлки! У меня вот после просмотра «Дома-2» было только одно желание – перестрелять их там всех к чертовой матери. Я понимаю, люди деньги зарабатывают, но это ж полный отстой! Тут и у ангела агрессивность попрет.

Кстати говоря, чем отменять смертную казнь, лучше б вернули в законы физическое наказание. Допустим, плюнул ты на улице, верблюд этакий, – тут же подходит наряд полиции, встряхивает тебя из костюма и вытирает этот плевок твоим пиджаком. Плеваться расхотелось? То-то же!

Выругался матом при свидетелях? Отловить и выпороть на центральной площади. Пять ударов за матерщину, десять – за приставание к посторонним с просьбой «Дай на выпивку», пятнадцать – за пьянство... Ну это надо считать...

Но если кто думает не головой, а противоположным концом – очень доходчиво получится. Так сказать – обращение от правительства к думающему месту.

А если нахулиганил или что-нибудь спер – экскурсию на пятнадцать суток на зону к уголовникам, с показом всех прелестей жизни за решеткой. А то развели тут блатной романтики...

Ах, он ее любил, ах, он ее прибил...

Девчонки, а вам-то хочется оказаться на месте этой «ее прибитой»?

Нет? Ну я так и думала почему-то. Мне вот тоже чего-то жить охота...

Но это я тут мысленно отвлеклась, а руки действовали. И почти самостоятельно набивали плечики свитера мелкими металлическими детальками, обнаруженными в хозяйственном магазине. Если что – оторвать, зажать в руке и врезать... если попадешь. Но это ж не повод не вооружаться. Я вообще сперва хотела набить их песком, но потом передумала. С моим природным везением этот песок посыплется из меня в самый интересный момент, а вампир сдохнет со смеху. Нет уж, я не хочу, чтобы обо мне осталась «такая» память...

Ну вроде все. Приготовления закончены. Эх, мне бы спецназовские ботинки. Говорят, туда металлические вставки вшивают – в нос и в каблук. Как дашь пинка, так размножаться противник сможет только в следующей жизни. Пусть тяжеловато и неизящно, я бы потерпела. Но чего нет – того нет.

Катька оделась почти так же. Различия были в цветах и обуви – у нее нашлись сапожки без каблука. Все остальное – так же, только цвета другие. Голубой и синий. Крестики в ассортименте. Я посоветовала один крест даже в трусы запихнуть. Если до трусов не дойдет – хорошо, а если дойдет – авось противника обожжем. Я-то, кстати, запихнула. Катька подумала – и последовала моему примеру. Но проволоки ей не досталось. И лезвия тоже. И говорить про них я ничего не стала. Это я могу пустить в ход то и другое. А Катька – нет. Ей Дюшка скажет «лежать и бежать» – она и это выполнит. О сопротивлении тут речь не

пойдет. Потом я подумала – и взяла с собой нож-выкидушку. Очень удобный. Нажал на кнопочку – выскочило лезвие. Вот только удастся ли мне пустить его в ход? И поможет ли оно мне? Это же не серебро. Это всего лишь сталь. Кстати – холодное оружие. А что у нас там светит за его ношение? А черт его знает! Какая мне разница? В живых бы остаться!

Пора вызывать такси.

В клуб мы вошли к одиннадцати вечера. Я лишний раз полюбовалась на волков. Катька вся дрожала, и мне пришлось ее чем-то отвлекать.

– Кать, а где надпись?

– Какая?

– Ну та, «Войди и насладись», ты говорила...

– А-а... Вон, над дверью.

Я пригляделась. Буквы готического шрифта образовывали арку. Эстетично, ничего не скажешь. Кто ж это писал? Или на компе состряпали? Тоже вариант.

– Ладно, пошли.

– Юля, а может, не надо... может, мы как-нибудь...

Я решительно вцепилась в рукав подруги. Сбежит еще – лови потом дурочку. И ведь не объяснишь, что убегать от опасности – самый плохой вариант. Она никуда не денется, а догонит и еще под копчик отоварит. Запросто. А вот если пойти ей навстречу – есть реальный шанс выкрутиться. Если уж я теорию вероятности сдала, зная, что вероятность конца света – пятьдесят процентов...

Анекдот. У мужчины спрашивают – какова вероятность конца света? Тот делает умное лицо и начинает подсчитывать. Вот, если у нас есть ядерное оружие, если в Америке есть ядерное оружие, если в Китае есть ядерное оружие. Если мы сцепимся с Америкой или с Китаем, если кто-то фуганет ракетами, если ракеты окажутся не китайского, а хотя бы японского производства... В общем, учтя дней

за двадцать все факторы, мужчина получает пятьдесят процентов.

У женщины спрашивают – какова вероятность конца света? И та, ни минуты не думая, отвечает – 50 %. Ученые удивляются – откуда вы все так точно знаете? Женщина удивляется не меньше их и объясняет для самых гениальных: либо будет, с вероятностью ровно половина – 50 %, либо не будет – 50 %.

М-да. На входе в клуб стояла такая помесь Годзиллы с гориллой, что я поняла – динозавры не вымерли. Во всяком случае, не сразу. Они успели пережениться на обезьянах, а это – их дальний потомок. Этакая гора мышц размером с двух терминаторов и взглядом бабуина, страдающего зубной болью. Лоб низкий, глаза сразу и не разглядишь, потому как глубоко закопаны, челюсть такая, что хоть проволоку перекусывай. Идеальный вышибала. Такому и вышибать не надо, только кулак сжать и показать. Така-ая дыня... Интересно, кто его рожал и от кого? Посмотреть бы на его семейку...

– Привет, – радостно сказала я.

– Приглашения, – прогудел человекоподобный.

Я воззрилась на подругу.

– Кать, а сюда что – только по приглашениям?

– В пятницу, субботу и воскресенье – нет, но сегодня – вторник.

Проблемка. Хотя...

– Любезнейший, – завела я самым сахарным тоном, а вам знаком такой типчик? Высокий, блондинчик, голубоглазый, зовут Дюшка... э-э-э-э... то есть господин Андре, хамло редкостное... Он нас очень приглашал. Но если вы его не знаете, то мы пошли...

– Нет!

Я с интересом изучала привратника. Точно у него в роду были хамелеоны. Или хамлооны. Вон как цвет меняет. С бурого на зеленый.

– Что – нет? Вам это незнакомо?

– Мне знаком господин Андре. Проходите.

– Скажите, а давно он вам знаком? – уточнила я. – И почему вдруг Андре? Знаете ли, в сочетании с голубыми цветами в одежде это наводит на размышления... Скажите, а он точно не того? Не страстный, – это слово я выделила голосом, – поклонник Бори Моисеева?

Охранник опять побурел. Но сдержался.

– Проходите, пожалуйста, – еще более вежливо пригласил он.

Я вздохнула – и зашла. Катька нервничала и цеплялась за мою руку. Я тоже нервничала, как перед вступительными экзаменами. Но я ж даже на вступительных этого не показывала, а тут-то... Ха!

– Где здесь можно оставить вещи?

– Вот там раздевалка, – показала Катька.

Вежливая тетка забрала шубы и вручила нам два изящных стеклянных жетона с номерами.

– Прошу вас, – пропела она.

– Скажите, а где здесь туалет, – спросила я. И моя врожденная вредность тут ни при чем. Просто перед уходом из дома я сделала пару глотков святой воды. Вот она и прошла сквозь организм.

– Там, – указала гардеробщица. – С розовой дверью – дамский.

Я кивнула и затопала в указанном направлении.

Туалет поражал. Наш ректор за такой туалет весь деканат бы продал. Все было нежно-розовым и золотым. Розовая плитка, розовые двери, розовые раковины и

сушилки для рук, полотенца и унитаза, мыло и туалетная бумага, причем все в тон. Золотыми были металлические части. Чистота – стерильная. Хотя с пола ешь. Но как мне хотелось здесь на стене написать «Андре – масдай, Линукс – форева», причем вульгарно-зеленой краской, – словами не передать.

Катка все это время стояла в углу с выражением Джульетты на лице. В той части, где она зарезалась добровольно. Я подошла и покачала пальцем у нее перед носом.

– Ты готова?

– А? Что?

– Тогда пошли в зал. Веди давай. Сама знаешь, я в этой психушке не ориентируюсь. НУ!

Катка кивнула и, выйдя из туалета, свернула направо. За первым же поворотом открылся большой зал со столиками и танцполом в центре. Гибрид диско и ресторана. Я огляделась – и решительно потянула подругу к столику в углу. Во-первых, незаметно, во-вторых, можно сесть спиной к стене, в-третьих, от входа недалеко, удерем, если что... Если сможем.

– Меню, карта вин, сладкое, – пропела, появляясь рядом с нами, официантка. Катка встrepенулась и потянулась за красивыми кожаными папками.

Я пнула ее ногой под столом.

– Березовый сок и неочищенные поджаренные фисташки, – заказала я тоном гламурной барышни, которая за ночь посещает по пять таких третьесортных забегаловок.

Официантка замялась.

– В чем дело?! – высокомерно-истерично спросила я.

– Простите, но у нас нет березового сока.

– Как – нет березового сока?! – возмутилась я. – А что у вас тогда есть?

– Меню перед вами, – напомнила официантка. Я даже и не подумала его открыть.

– Катрин, у них даже березового сока нет, – простонала я. – Девушка, это просто возмутительно! Пошлите за ним немедленно!

Отдаю должное героизму официантки. Она не треснула меня тяжеленькой папкой с меню. И даже не объяснила, что березового сока зимой не бывает. И даже не прошла по моей родословной, заметив, что не все то дерево, что береза, но все то дуб, что клиент. Вместо этого она тоном вышколенного робота повторила:

– Разрешите предложить вам какой-нибудь другой сок, апельсиновый например...

– Он у вас наверняка из банок и пакетов, – уперлась я. – Или, что еще страшнее, из марокканских апельсинов! – Чем это страшнее, я бы и под расстрелом не придумала. – Несите сюда минеральную воду! Эссендуки номер семнадцать, из горячей скважины и обязательно без газа! Учтите, у меня от газированной воды метеоризм, так что если принесете что-нибудь с пузырями, я вам тут моментально атмосферу испорчу! Да так, что с общественным туалетом перепутают! Я долго тут повторять буду?!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Переименованное number one (англ.). – Здесь и далее прим. авт.

2

Переименованное number two (англ.).

3

Переименованное number three (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/galina-goncharova/protiv-loma-net-vampira>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)